

АНАСТАСИЯ КНЯЖЕВА
КАРА ГРАНТ

ТВОРИ ИЛИ УМРИШ

ЭФИРИУС

ВОСХОЖДЕНИЕ

Annotation

У меня было всё: богатство, слава и любимый мужчина. Но он меня предал. И я оказалась там, где таких, как я, убивают. На рудниках. Но мне удалось вернуться назад. И теперь, чтобы спасти себя и друзей, я должна стать лучшей во всём Пантеоне и создать невозможное. А для этого – приползти к бывшему на коленях, умоляя о помощи, или... украсть артефакт. Угадайте, что выбрала я.6 причин прочитать книгу:1. История легендарной любви, изменившей мир. Понравится любителям непростых, запутанных отношений.2. Красивый, но жестокий мир, в котором с помощью силы воображения можно создать всё, что угодно. И даже то, что сумеет его спасти.3. Яркие харизматичные герои и обаятельные злодеи, которым нет-нет да и хочется подражать.4. Приключения, интриги, шпионские игры.5. Американские горки эмоций.6. Неожиданные повороты сюжета и взрывная, непредсказуемая развязка.

Анастасия Княжева, Кара Грант
Эфириус. Восхождение

Зрители на трибунах главного стадиона страны слаженно выкрикивали моё имя.

– КА-РА! КА-РА! КА-РА! – скандировали они и, кажется, что-то советовали.

Но я толком не слышала их слов, сосредоточившись на фантазийном пламени, что бушевало передо мной.

Пара метров... Всего пара метров отделяла меня от спасительного артефакта!

Но он был там, за завесой из густого едкого дыма и огня, а я уже отсюда ощущала, как жар обжигал мою кожу, как превращал кончики волос в пепел, как слезились глаза, а лёгкие наполнялись ядом...

В который раз попыталась потушить пламя и создала мощный поток воды. Выстрелила – не сработало. Четыреста пятьдесят один градус... И это не по Фаренгейту. Да, у моего противника определённо имелось чувство юмора. Для него всё было игрой.

В отличие от меня.

Я разъярённо рыкнула и от отчаяния запустила в соперника молнией. Он отразил удар, усмехнулся, довольный собой, и продолжил невозмутимо шагать.

Он знал, что я проиграла. Я это тоже знала... **НО НЕ МОГЛА ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ПРОИГРАТЬ!**

Я запустила в волосы пальцы, обернулась к трибунам в поисках выхода. С испугом, мольбой посмотрела туда, где сидели друзья.

Лана уже приказала своим теням их отпустить и с живым интересом наблюдала за исходом противостояния. Даниэль хмурился, глядел строго вперёд, бездумно потирая травмированные суставы. Макс с Тимом мне что-то кричали, но что именно, я не могла понять. Фред успокаивал Майю, а Мари от волнения зажимала ладонями рот.

Зато Верховный архонт улыбался, кровожадно, зловеще. Он понимал, что меня загнали в смертельную ловушку, и наслаждался происходящим. Всасывал мои отчаяние, страх, словно редчайший нектар. Механический человек взирал на меня с ледяным высокомерием. Наверняка радовался, предвкушая трагичный финал. А Шон с напряжением следил за моими действиями.

Я перевела взгляд на Лизу. Она лежала безвольной куклой в окружении медиков, которые пытались её исцелить.

Если я сейчас проиграю, то жертва подруги будет напрасной... И я исчезну, уйду в никуда вслед за Томми, так и не сумев спасти остальных.

В этот момент что-то переключилось в моей голове. Я резко развернулась и, толком не понимая, что делаю, из оставшихся сил побежала вперёд. Прямо на лютую пламя. Под прицелом бесчисленного множества телекамер.

Стиснула кулаки, готовясь к вспышке невероятной боли и, подскочив как можно выше, растворилась в огне.

Глава 1 Возвращение в Пантеон

Проснулась я прежде, чем прозвенел будильник. Вскрикнула.

Кошмары.

Перед глазами всё ещё стояло лучившееся надеждой лицо Томми. Которое трансформировалось в мёртвое заочневшее моё.

В памяти тут же пронеслась цепочка воспоминаний, возвращая меня в реальность.

Победа в конкурсе «Писатель-фантаст года»... Моя смерть и попадание души в Эдем... Создание нового тела, работа мечты в Пантеоне, бурный роман с Шоном и наш разрыв... Кража моего проекта Ланой... Бешеный долг... Рудник... Жестокое убийство Томми... Моё освобождение.

– Всё хорошо, Кара, всё хорошо, – мягко прошептал Даниэль, успокаивающе глядя меня по плечу. – Те работы уже позади...

Я повернула голову вправо, по-прежнему рвано дыша, и увидела друга.

Лицо Даниэля казалось помятым, заспанным, но в серо-зелёных глазах билась тревога. Вчера он меня провожал домой. С недавних пор я стала бояться оставаться одной. Поэтому попросила его побыть немного со мной. Мы долго лежали вместе в постели. Просто так. Но тепло его тела умирало страхи и дарило сон. Наверное, он отключился, пока меня обнимал, а проснулся от моего вскрика.

Я привела дыхание в порядок и неискренне улыбнулась уголками губ.

– Да, знаю.

Он мне не поверил, но говорить ничего не стал.

«Извини, Даниэль, я не могу рассказать ни тебе, ни кому-то другому о том, что случилось со мной на тех работах. Это слишком опасно», – мысленно обратилась к нему.

Друг будто бы понял меня и перевёл взгляд на свои наручные часы.

– Восемь утра. Придётся вставать. – Неловкая пауза исчезла. – Я в душ. А ты можешь ещё поваляться.

Я кивнула, внутренне радуясь тому, что не придётся отвечать на его вопросы. Опять. Сколько ещё он будет мне потакать?

Оставшись одной, слезла с кровати, подошла к окну и одним быстрым резким движением раздвинула льняные алые занавески, впуская в комнату солнечный свет. Обернулась и обвела взглядом спальню. Глянула на изящную мебель из белого дуба, морские пейзажи на стенах и камин-голограмму с едва тлевшими головешками.

«Неужели всё позади?» – мысленно спросила себя.

Неспешно потёрла ладонью тяжёлые веки, тряхнула головой и ответила: «Нет, я так не думаю. Пока в Эдеме существует эфириус, ни один творец не может чувствовать себя здесь в безопасности».

После душа переоделась в чёрное платье тунику – в память о Томми – и отправилась на кухню, где уже всю хозяйничал Даниэль. Запах жареных блинчиков с клубничным вареньем тут же ударил в нос, и уголки губ невольно дрогнули в едва заметной улыбке.

– Пахнет ужасно вкусно, – тихо сказала я, усаживаясь на стул.

– А на вкус ещё лучше, – усмехнулся друг и поставил передо мной тарелку с горячим завтраком.

Я подтянула её поближе к себе и случайно зацепила локтем приглашения на светские

рауты, что лежали аккуратной высокой стопочкой на краешке стола (за период моего отсутствия в Либруме их скопилось немало). Белые карточки тут же разлетелись по столешнице, словно домино. Пришлось собирать.

– Так и не разобралась с ними? – спросил Даниэль, устраиваясь напротив меня.

– Никак не могу себя заставить.

Раньше мне нравилось просматривать приглашения, но теперь они казались какими-то фальшивыми, несущественными. Даже более – я была удивлена тем, что после ареста меня не забыли. Хотя... не исключено, что о нём за пределами храма творцов мало кто слышал.

– Тогда, может, ну их?

Я пожалала плечами, а Даниэль, озорно прищурившись, одним быстрым движением рук сгрёб со стола все карточки и выкинул их в мусор.

От удивления улыбнулась и вскинула брови. Отличное решение проблемы.

– Хотя я бы не прочь с тобой выбраться в свет. Как насчёт танцев в Хрустальном замке? Будем развлекаться, пока ноги не превратятся в стальные оглобли?

– Может быть... – уклончиво ответила я, не зная, как объяснить другу, что мне сейчас не до танцев, и, чтобы избежать неловкого молчания, надела сенсорную перчатку и включила телевизор-голограф.

На экране тут же высветилось уверенное лицо Шона в рекламе его портокара.

В дорогом костюме, с чёрным кожаным портфелем в руках мой бывший покидал одну из высоток Либрума в окружении толпы суесящихся журналистов. Казалось, из-за творящегося вокруг его персоны ажиотажа к парковке было невозможно пробиться. И тогда он доставал из кармана крохотный серебристый шарик, небрежно бросал его в сторону – и в воздухе появлялась крылатая машина.

– Портокар господина Феррена недавно поступил в продажу, – сухо пояснил Даниэль, сделав глоток чая. – Теперь он повсюду.

– Понятно, – бесцветно ответила я и переключила канал.

Но и там было какое-то ток-шоу с участием Шона. Он смеялся и с присущим ему обаянием отвечал на вопросы ведущего.

«Отличное начало дня», – скептически подумала я и опять переключила канал.

Там меня ждал новый сюрприз.

– Оставь! – выпалил Даниэль. – Обожаю этот ролик. Теперь его всё время крутят по утрам. Ты здесь смешная.

Я закусил губу, с интересом глядя на прежнюю себя в голубой пижаме, сладко сопевшую на потолке.

– Не знала, что зеркальное пространство пустили на телевидение, – пробормотала задумчиво. – Давно это показывают?

Даниэль нахмурился.

– Да. Уже пару недель.

Теперь понятно, откуда работникам рудников было известно о моих прототипах.

– Твоё устройство должно поступить в продажу через месяц или около того. Спрос обещает быть бешеным, – постарался подбодрить меня Даниэль.

– Понятно, – кивнула я, старательно гоня от себя воспоминания о тех радостных беззаботных днях, когда мне приходилось сниматься в рекламе.

Теперь всё это казалось слишком далёким, почти нереальным.

Я переключила канал и, потрясённая, увидела в кадре себя в роскошном серебристом

фантазийном платье, целующуюся с Шоном.

Поморгала, пытаюсь собраться с мыслями, и поняла, что это не галлюцинация, а всего лишь ещё один рекламный ролик моего зеркального пространства. Чёрно-белый. Стильный. Бьющий прямо в цель. На экране я выглядела счастливой, влюблённой, чувствовавшей себя в полной безопасности в нежных объятиях Шона.

Ложь.

Господин Феррен, лучший творец Либрума, оказался не сказочным принцем, а циничным обманщиком, который, не моргнув и глазом, позволил стражам меня арестовать прямо перед коллегами в Пантеоне и сослать на рудник, прекрасно зная, что всех писателей там истязают и безжалостно уничтожают.

И лишь благодаря помощи друзей, не его, мне удалось вернуться обратно и восстановиться на прежней должности.

Я выключила телевизор, и остаток завтрака мы с Даниэлем провели молча. Потом собрали вещи и вышли на улицу. Сели в его тёмно-зелёный карлёт.

– Как насчёт небольшой воздушной прогулки? – весело предложил друг.

– Может, не стоит... – замялась я. – Давай лучше сразу полетим в Пантеон...

– Брось, Кара. Тебе надо встряхнуться. вспомнить, что ты опять в Либруме – в лучшем из городов всех миров. К тому же, я хочу кое-что тебе показать...

– Ладно, вези.

Карлёт зарычал и вместе с нами рванул в небеса.

Мы пронеслись над Дворцом Правительства, выполненном в греческом стиле. Он был окружён цветущими садами, как у легендарной Семирамиды – воссозданном чуде света. Там заседал Фредерик Штольцберг – Верховный архонт Фантазийных Федеральных земель – со своими приближёнными.

Затем покружились над площадью Кристофера Нолланда – первого писателя в Эдеме, сумевшего с помощью слов оживить свои фантазии.

Материализованные творения долго не могут существовать без вербального подкрепления, потому и нужен эфириус – особое вещество-закрепитель, которое господин Нолланд под конец своей жизни создал. Так что теперь оживление фантазий поставлено на поток, и любой прототип, сделанный работниками Пантеона, будет существовать вечно.

В тот день, когда моя душа перенеслась в этот мир, история господина Нолланда показалась прекрасной сказкой. Но теперь, глядя на постамент улыбавшегося мужчины с книгой в руках, со страниц которой выглядывал придуманный зверь, мне становилось не по себе.

Да, в Эдеме к писателям относились, как к небожителям, всё так. Но лишь до тех пор, пока они были способны творить и выплачивать бешеные налоги в казну ФФЗ. Вот только никто из них, кроме Шона и теперь уже и меня, понятия не имел об истинном положении дел в «раю». Иначе такое бы началось...

Даниэль свернул влево, и мы приблизились к развлекательному центру Либрума. Здесь располагались небольшие парки, перемежавшиеся с крупными торговыми центрами, элитными ресторанами, кинотеатрами...

То тут, то там, я натыкалась взглядом на висевшие на зеркальных высотках рекламные 3D-щиты с изображением Шона в его портокаре.

Паршиво повсюду видеть ухмылявшееся лицо своего бывшего, о существовании которого мечтаешь забыть.

– Подожди... Ещё немного... – произнёс Даниэль, заметив, что я отвернулась от бокового окошка. – Скоро будем на месте.

Даниэль не соврал, и буквально минуту спустя мы оказались перед бизнес-центром причудливой формы, на котором сиял голощит с рекламой моего зеркального пространства.

– На днях повесили, – с гордостью сообщил друг.

Я с удивлением разглядывала огромную себя, улыбающуюся и цветущую, в окружении друзей, танцевавших в саду на потолке. Ощущения были странными... Как-то не верилось в то, что в сердце столицы тебя обожали, в то время как за её пределами истязали и всячески унижали.

– Пока он только один. Наверное, пиарщики не хотят отвлекать внимание потенциальных покупателей от карлёта господина Феррена. Но я уверен, как только твоё творение поступит в продажу, Кара, весь Либрум падёт к твоим ногам.

– Сомневаюсь... – задумчиво пробормотала в ответ. – Спасибо, что показал мне это. Но давай уже в Пантеон.

Даниэль окинул меня пристальным взглядом, но ничего спрашивать снова не стал, просто свернул к побережью. И вскорости мы оказались вблизи храма творцов.

– Готова? – мягко спросил Даниэль, едва карлёт, миновав защитное облако с кислотой, влетел на парковку. – Войдём внутрь – спокойствия тебе не видать.

– Знаю, – ответила я и выбралась из салона.

Мы прошли пост охраны и оказались в холле первого этажа центральной трубы. Там парили белоснежные капсулы топа в окружении узеньких белых коридоров и площадок для стыковки на каждом уровне.

В самом верху располагался рабочий кабинет Шопа, но я старалась не думать о нём.

Впрочем, как и о росписях на белоснежных стенах.

В районе одиннадцатого – десятого этажей был нарисован прекрасный Либрум, в основании которого, начиная с девятого этажа, словно корни вековых дубов, лежали «живые» портреты писателей-творцов, отдавших всех себя ради блага Эдема.

Раньше я восхищалась галереей и мечтала о том, чтобы и мой лик однажды украсил эти стены. Но после того, как ценой жизни друга, мне стало известно, что туда попадают не те, кто сумел совершить что-то выдающееся, а те, кого уничтожили власти Эдема, от одного взгляда на все эти росписи начинало тошнить.

Я обхватила плечи руками, поёжилась, как от холода. Ускорила шаг, опустила глаза, стараясь смотреть строго перед собой, потому что совсем недавно вверху появился портрет и моего Томми. Наверное, за прошедшее время его уже успели закончить...

Внезапно заметила, что писатели, столпившиеся в холле, принялись расступаться перед нами и о чём-то взволнованно перешёптываться.

– Почему все на нас так косятся? – тихонько спросила я Даниэля. Не из любопытства, а просто, чтобы отвлечься.

– Не обращай внимания, Кара. Новость о твоём возвращении уже успела облететь весь Пантеон. Всем интересно, как тебе удалось вернуться. Доброе утро, коллеги!

На десять утра Кристина, куратор нашего отдела, назначила планёрку. И мы с Даниэлем отправились напрямиком в кабинет для совещаний. Там нас уже поджидали друзья: Йелло, Мари, Майя и Лиза. Они устроились на своих местах вокруг белоснежного сенсорного стола, но, едва заметив нас, повскакивали с кресел.

– Кара! С возвращением, дорогая! – взвизгнула Майя и кинулась ко мне обниматься.

Каштановые волосы отрасли, и она больше не походила на взъерошенного воробышка, а превратилась в трепетную лань.

– Точнее, с первым рабочим днём, – тактично поправил её Йелло. Его лысина, как и прежде, блестела, борода была аккуратно подстрижена, а в карих глазах сияла улыбка. Он немного чопорно пожал мою руку, а потом не удержался и тоже крепко обнял. – Хорошо, что вы снова в строю, – прошептал друг мне на ухо.

– И будем надеяться, что больше ты его не покинешь, – усмехнулась бойкая рыжеволосая девушка в тёмно-зелёном платье – Мари, моя лучшая подруга. – Как же нам тебя не хватало!

– Угу, – вяло поддакнула Лиза, блондинка в синем брючном костюме с хмурым лицом и с бумажным стаканчиком кофе в руках.

– Спасибо, ребята, – пробормотала я, аккуратно высвобождаясь из объятий друзей. – Мне тоже вас не хватало.

Я направилась к Даниэлю, который уже сидел за столом, при этом стараясь не глядеть на Мари. Она была бывшей девушкой Томми. В ушах до сих пор стоял её вопрос в тот день, когда ребята вызволили меня с рудника, «Кара, ты видела Тома?» и мой ответ «да, он отработал свой долг перед Эдемом».

Мне было неловко в её присутствии, и чувство вины перед ней, перед ними всеми за то, что молчу, потчую их полуправдой, давило с утроенной силой.

Внезапно в кабинет для планёрки влетели возбуждённые Макс с Тимом. В прошлой жизни, до попадания в Эдем, они были близнецами. Тёмные волосы первого и светлые второго воинственно стояли торчком. Внешность сменилась – характеры нет.

– Всем привет, – выпалил Тим, устраиваясь на белом кожаном кресле на колёсиках. – Кара... родная! Рад тебя снова видеть!

– Аналогично, – озорно подмигнул Макс и, скользнув мимолётным взглядом по моему соседу, бестактно добавил: – Даниэль, приятель, а ты что здесь забыл?

– В смысле? – удивилась я. – У нас вообще-то планёрка...

Друзья переглянулись и загадочно заулыбались. Ну и что же я пропустила?

– Так и знала, что сам он тебе в этом не признается! – первой весело заговорила Мари.

– Не признается в чём? – Я растерянно покосилась на Даниэля, который таинственно поджимал губы, крутил карандаш в руках, но молчал.

– В том, что наш господин Гросских без пяти минут топ! – пояснила подруга.

– Серьёзно? – Он кивнул. – Поздравляю. Может, тогда расскажешь, как тебе это удалось?

– Да ничего особенного.

Даниэль по привычке взъерошил чёрные волосы на затылке, и от этого жеста моё сердце наполнилось теплом.

– После презентации твоего шатра воспоминаний господин Штольцберг решил, что у меня огромный потенциал. Он откуда-то узнал, что я с детства помешан на космосе и предложил поработать в этой сфере. Оказывается, в Эдеме с полезными ископаемыми беда. Я воодушевился, дал согласие на новый проект и теперь задействован в правительственной программе. А Берд – мой куратор.

– Берд? – переспросила я. – Тот самый, который чуть не сорвал тебе в прошлый раз презентацию?

– Да. Он тогда пришёл на меня посмотреть. Берд – полный псих, но мужик классный. Своё дело знает. Представь, он материализует устройства, которые меняют генетику человека, создаёт новые расы, которые бы могли колонизировать Марс или Нептун! Только

это большой секрет.

– Звучит впечатляюще... Значит, тебя перевели в другой отдел?

– Перевели. Но я пришёл на вашу планёрку, чтобы тебя поддержать.

– Спасибо. – Это было невероятно мило.

Едва Кристина вошла в кабинет, Макс подскочил со своего кресла и громко захлопал в ладоши:

– Ребята, давайте поаплодируем самому лучшему, самому доброму и понимающему куратору Пантеона! – Я улыбнулась и вместе с коллегами последовала его примеру. – Кристина, родная, смотри, кто тут у нас! – Он указал кивком на меня. – Кара снова в строю. А всё благодаря тебе.

Кристина усмехнулась, покачала головой. Длинные рыжие кудри заколыхались, как камыши на ветру, в уголках серых глаз пролегли морщинки-лучики.

– Ну-ну... Вы тоже хороши. Но подробностей я знать не желаю.

Йелло с Майей и Тимом весело переглянулись. Наверняка вспомнили, как тайком вломились в мою сферу и доделали за меня прототип, а потом, якобы случайно, подсунули его Кристине. А она не побоялась рискнуть своим положением и добилась того, чтобы проект засчитали. Благодаря чему мне больше не пришлось отрабатывать колоссальный долг перед Эдемом.

– Рада, что ты снова с нами, Кара, – обратилась Кристина ко мне, и я, встав со своего места, обняла её и искренне прошептала:

– Спасибо.

На этом с нежностями было покончено, и куратор приступила к текущим делам:

– Итак, дорогие мои, на повестке дня у нас устройства, облегчающие повседневный труд. У кого какие предложения?

От её слов мне стало не по себе. Вспомнилась надпись над пропускным пунктом у рудников: «Труд освобождает», а вместе с ней тяжёлые работы по добыче руды. Без помощи техники. Как в начале девятнадцатого века. Ненавистная кирка, прилюдные порки, голод, уколы, лишавшие голоса, попытка изнасилования в тёмном подземном тоннеле, и Томми, который меня спас.

Горло свело спазмом, а моя правая рука сама по себе потянулась к левому плечу, оглаживая кожу в том месте, где до сих пор расплзался уродливый красный шрам от плети. У меня забрали красоту, у него – жизнь.

– Я хочу создать экскаватор, который бы функционировал в аномальных зонах, – произнесла неожиданно для самой себя.

Ребята, которые до этого что-то оживлённо обсуждали, резко умолкли и непонимающе уставились на меня. Мари изумлённо вскинула брови. Кристина застучала пальцами по столешнице.

– Э-э... что за аномальные зоны? – мгновенно среагировал любопытный Макс.

– Типа паранормальные? – со смешком уточнил Тим. – С привидениями и прочей потусторонней нечистью?

– Нет, – жёстко оборвала их Кристина. – Аномальные зоны – это места, где любая техника выходит из строя. Насколько мне известно, с каждым годом их становится всё больше, из-за чего предприятия закрываются, рабочие места сокращаются... В ФФЗ с этим большая проблема.

– Правда? – удивилась Майя. – А я и не слышала про такое... – Судя по выражению лиц

остальных ребят, они тоже были не в курсе. – Кристина, а почему появляются эти зоны?

Куратор тяжело выдохнула.

– Никто этого не знает. Одни говорят, что это из-за паров эфириуса, которым пропитался воздух Эдема, другие – что это кара богов. Карина, ты уверена, что тебе под силу создать такое устройство? До тебя многие пытались, но безуспешно. А в твоём случае риск слишком велик...

Я нахмурилась, обдумывая ответ. Потом кивнула. Куратор прищурилась.

– Почему?

Я оперлась локтями о столешницу. Наклонилась немного вперёд и, глядя на неё в упор, хрипло произнесла:

– Потому, что я очень сильно этого хочу.

С минуту Кристина буравила меня острым взглядом, а потом покачала головой и устало выдохнула:

– Ты изменилась, Кара. Проект за тобой. Я постараюсь выбить тебе максимальные сроки, но гарантировать ничего не могу. Внимательно читай договор, прежде чем его подписать.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась я и откинулась на мягкую спинку кресла.

После планёрки Кристина попросила меня задержаться.

– Что произошло с тобой на тех работах, Кара? – встревоженно спросила она.

– Не стоит вам этого знать, Кристина.

Куратор прищурилась.

– Хорошо. Тогда остальным тоже не говори.

Я кивнула:

– Конечно.

Глава 2 Мотор! Камера! Снято!

После разговора с Кристиной я покинула комнату для собраний и устало привалилась боком к стене. Ну вот, жребий брошен. Я выбрала невероятно сложный проект, который в случае успеха сулил не только невообразимые радости, но и три месяца жизни.

Свободу.

Но если мне не удастся создать заявленное, причём в срок, то будет нечем выплачивать бешеный штраф за просрочку. Впрочем, как и налог в казну ФФЗ. И тогда меня снова отправят вкалывать на рудники, а там и... Но об этом я решила пока не думать.

Тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли, и направилась к стыковочной площадке, чтобы вызвать свою сферу.

Мой рабочий кабинет... Место, в котором любая фантазия оживала. Место, где можно было с помощью слов материализовать города, целые страны и даже космические просторы. Он снова превратился в холодную бездушную белоснежную капсулу, парившую в недрах храма творцов.

Когда-то давно, в прошлой счастливой и беззаботной жизни, я создала в нём прекрасную мандариновую рощу с бескрайними лавандовыми полями, в которых любил шнырять мой Курсивчик – маленький лиловый драконёнок. Фантазийной создание, не живое, но от этого для меня не менее реальное.

Сейчас его не было. Ничего больше не было. Я сделала откат к заводским настройкам. Ничто не должно было отвлекать меня от работы.

Я села за белоснежный сенсорный стол, включила компьютер, запустила программу «Творец» и приступила к делу. Мне виделся огромный ковш экскаватора, гусеницы вместо колёс... И больше ничего. Я понятия не имела, как устроены изнутри машины, из-за чего не могла что-то подобное материализовать.

Пока мои мысли крутились вокруг того, стоит ли сбежать пораньше из Пантеона, чтобы заглянуть в букинистический, тишину, царившую в сфере, неожиданно разорвал громкий компьютерный голос:

– Господин Карелтон просит разрешение войти.

Я вздрогнула и с удивлением покосилась на дверь. Маркус Карелтон занимался пиар-компанией зеркального пространства. Мы с ним не виделись около двух месяцев, хотя и распрощались довольные друг другом. Интересно, что ему понадобилось от меня?

– Господин Карелтон просит разрешение войти, – повторил вопрос компьютерный женский голос, и я твёрдо бросила в пустоту:

– Разрешаю.

Сфера пошла на стыковку, и пару минут спустя её двери открылись, впуская визитёра в красном пиджаке поверх чёрной рубашки с рюшами, в складках которых утопала сапфировая брошь. Когда мы виделись в прошлый раз, его волосы были выкрашены в зелёный, но сейчас их цвет был тёмно-коричневым, но у корней резко светлел и тускнел.

Присмотрелась. Это что... пудра?

– Кара, дорогая, рад снова вас видеть! А новый имидж... Идёт! – затараторил он со страшной скоростью, размахивая изящной тростью с изображением льва на рукоятке. – Эдакая женщина-вамп! Вся такая тоненькая-тоненькая, бледная, мрачная... Стильно!

Невольно поморщилась от этого комплимента, но ничего отвечать не стала.

– Но я всё равно должен вам попенять. Как можно было исчезнуть настолько из Либрума и никому ничего не сказать?! Ай-яй-яй... – Маркус погрозил мне шутливо пальцем, а я стояла и смотрела на него, потеряв дар речи. Неужели он ничего не знал про мой арест? – Нехорошо заставлять своих поклонников и верных друзей столько времени себя дожидаться! Высший свет Либрума стал без своей маленькой звёздочки гораздо тусклее!

Он усмехнулся, довольный таким словесным каламбуром, а мне наконец удалось обрести способность опять разговаривать:

– Я вас тоже рада видеть, Маркус. Не знала, что вы получили травму... – Мой взгляд упал на трость в его руке, и собеседник заливисто расхохотался.

– Ах, это... Вы всё неверно поняли, Кара. Трости сейчас снова вошли в моду! Я заказал себе уже семь. На каждый день недели! Разумеется, с разными рукоятками из золота и платины: попугай, лев, медведь, пантера, лебедь, медуза Горгона и – мой любимый – дракон!

С трудом подавила приступ брезгливости. Люди, вроде господина Карелтона, пускали деньги на ветер, в то время как за пределами столицы, в горах, жили семьи шахтёров, которые едва сводили концы с концами...

– Рада слышать, что здоровье вас не беспокоит, – уже холоднее сказала я. – Чем обязана?

– Чем обязана?! – то ли удивился, то ли возмутился гость. – Она ещё спрашивает! Ролики вашего зеркального пространства, Кара, зашли всем на ура. Триумф! Клянусь, с таким ажиотажем, продажи побьют все рекорды! Скоро вы приблизитесь к топу, моя дорогая! Так что на очереди ваш шатёр воспоминаний. Как говорится, куй железо, пока горячо.

– Насколько горячо? – уточнила я.

– Горячее некуда! Нужно лететь прямо сейчас на фотосессию!

– Прямо сейчас... А как же моя работа? Извините, Маркус, но мне нужно заниматься новым сложным проектом... Может, встретимся в другой раз?

– Из-за такой ерунды? Не говорите глупостей, моя милая! Я уже обо всём договорился с Фредериком.

– Серьёзно? – удивилась я. С чего вдруг Верховный архонт обеспокоился моей популярностью?

– Конечно! Наш обожаемый Фредерик в вопросах пиара своих дражайших писателей на редкость прозорлив! Он с большим пониманием отнёсся к моей просьбе.

Или попросту решил посмотреть, как я стану вести себя на людях? Не проболтаюсь ли про рудники и зверское отношение к находящимся там писателям, а может, про кое-что и похуже?.. У него ведь везде есть свои «уши».

Значит, нужно быть осторожней, чтобы случайно себя не раскрыть.

– Раз всё улажено, Маркус, – я неискренне улыбнулась, – тогда летим.

Пока мы неслись к съёмочным павильонам на чёрном карлёте господина Карелтона с изображением на капоте переливов северного сияния, мысли в голове непрерывно крутились вокруг того, что высшему обществу Либрума было известно о моём аресте. Нехватка информации сковывала, не давала обдумать план своих действий. Ведь я понятия не имела, как после случившегося вести себя с теми, в чьих руках находились богатство, деньги и власть.

Маркус тараторил и тараторил обо всём подряд, мне оставалось лишь только кивать, и вскорости мы приземлились вблизи невысокого серого здания.

Припарковались, прошли метров десять – и оказались внутри павильона. Точнее, в широком, окутанном загадочным полумраком коридоре. Он вёл к съёмочной площадке,

откуда струился приглушённый свет и доносился чей-то возбуждённый голос, отдававший команды. Давненько меня здесь не было...

Повсюду шнырял взволнованный персонал. Видно, запара. То тут, то там из тени, словно айсберги среди океана, выплывали очертания разного рода инвентаря, который должен был рано или поздно мелькнуть в кадре, вешалки на колёсиках с одеждой и аксессуарами, призрачные экраны, какие-то нарядно одетые люди...

– Кара, смелее! – выкрикнул Маркус, когда я шарахнулась в сторону от одного из них. – Это же голограммы!

– А с виду и не скажешь, – пробормотала я.

– Вы просто отвыкли, моя дорогая. Нечего было сбегать из Либрума! Фредерик запретил пиарить ваши перчатки эмпатии... Оборонная промышленность, госзакас... Нет бы пустить с массы, как и планировалось изначально! Ну ничего... Зато шатёр воспоминаний целиком и полностью в моём распоряжении! Ух, как же я развернусь! – выпалил он, энергично размахивая тростью, а потом прищурился, окинул меня внимательным взглядом и добавил с ревниво-собственническими интонациями в голосе: – Только не вздумайте на этот раз сбежать из столицы в поисках... озарения, вдохновения или в чём вы там так остро нуждались! Иначе, клянусь, я отправлюсь вслед за вами хоть на край света вместе со своей творческой группой и притащу обратно!

Шуточная угроза меня не испугала. Но я подумала, что сейчас настал подходящий момент, чтобы осторожно прояснить ситуацию.

– Маркус, – тихонько спросила, покусав губы, – вы разве не в курсе, что меня арестовали и выслали из Либрума... за долги перед Эдемом?

– Да, по городу гуляли какие-то слухи с перчинкой, но никто не воспринимал их всерьёз, – невозмутимо отмахнулся он. – Все были уверены, что вы скоро снова появитесь, Кара. С таким-то талантом и армией влиятельных воздыхателей! Господин Феррен, конечно, повёл себя по-свински, что не стал на месте выплачивать ваш долг. Да, ужасно-ужасно... Но в этом весь Шон. У него свои методы воспитания. В конце концов, мы все помним, с какой отчаянной решимостью до этого он дрался со стражами за вас! Лучше скажите, – заговорщически обратился Маркус, – на что вы подсели? Скачки? Карты? Только не говорите, что рулетка!

Я во второй раз за сегодня потеряла дар речи. Так вот, значит, как... О бешеных отступных «Либрум индастрис» за задержку проекта из-за того, что они неожиданно ужали сроки, и непомерный налог в казну ФФЗ никто не слышал ни слова!

– Я так и думал! – радостно выпалил собеседник. – О, Кара, рулетка – это зло в чистом виде! Но мой рот на замке. – Он демонстративно провёл пальцами вдоль губ. – Хотя я вас прекрасно понимаю. Какой смысл слыть небожителем, если нет возможности хорошенько развлечься? А на Шона вы не обижайтесь. Один раз он вас отстоял, а в другой решил щёлкнуть по носу. Вы же знаете, моя дорогая, господин Феррен ненавидит азартные игры! Только один бог знает, почему... С его-то капиталами...

Поморгала. Выходит, всё то время, что я гнила на тех работах, здесь все считали, что госпожа Грант где-то избавляется от своей порочной зависимости с подачи господина Феррена.

Мило.

– В любом случае Шон до сих пор говорит о вас с неприкрытым восхищением и затаённой грустью, – с многозначительными интонациями добавил Маркус и повернулся к

съёмочной площадке.

Там на обтянутом красной кожей диванчике с изящными позолоченными ручками полусидела-полулежала охваченная алой дымкой госпожа Мартинез – одна из лучших писательниц Либрума, четвёртое место в неофициальном топ-100 Пантеона, если ничего не изменилось за моё отсутствие. Она прославилась тем, что создавала устройства для взрослых забав.

В фиолетовом эфириусном платье, строгом, без выреза, с плывущими по воздуху «греческими» рукавами – чёрными крыльями, как у летучей мыши, Лана производила сильное впечатление. Длинные чёрные волосы струились по плечам, в голубых глазах пылал то ли азарт, то ли безумие, тонкие губы, подведённые рубиновой помадой, кривились в сардонической ухмылке... А узкий кинжал, умело скользивший в её руках, мерцал.

Вот незадача! Кого-кого, а госпожу Мартинез с её вездесущими сумеречными копиями видеть мне не хотелось.

Вокруг писательницы то и дело мелькали вспышки фотокамер, но люди выглядели напряжёнными. Говорили тише, не отвлекались, старались закончить быстрее... Неужели так её тени на всех действовали?

– Ах, Лана... Её прототипы в рекламе и не нуждаются. Но с такой внешностью ей достаточно просто появиться в кадре – и снимки будут великолепными! Хотя декольте здесь не помешало бы... – задумчиво добавил господин Карелтон.

– Вот ещё! – усмехнулась писательница, расслышав это высказывание, хотя мы стояли далеко от неё. Я покрутила головой по сторонам, ища лишние «уши», и обнаружила по соседству с нашими ещё одну тень... – Пусть лучше мои творения обнажают людские пороки, чем я – своё тело!

Господин Карелтон расхохотался:

– Метко подмечено, моя дорогая! Дешёвые уловки вам ни к чему! Но, Лана, красавица, я всего лишь мужчина! Пожалейте таких же несчастных, как ваш покорный слуга!

Она усмехнулась. Острый взгляд голубых глаз остановился на мне, и писательница одним грациозным гибким движением спрыгнула с диванчика и направилась к нам.

– Госпожа Мартинез, мы не закончили! – полетело ей в спину.

– Мне надоело. Довольствуйтесь тем, что есть, – бросила она издевательски. – В конце концов, мои прототипы в рекламе и не нуждаются! Так, Маркус?

– Добрый день, Лана. Не ожидал, что стану причиной срыва вашей фотосессии, – шутливо произнёс он, целуя ей руки.

– В этой жизни нужно быть готовым ко всему. Смотрю, вы пришли сюда с нашей очаровательной звёздочкой. Как поживаешь, Кара?

– Отлично, – сухо сказала я.

Сложно спокойно смотреть в лицо человеку, который украл твой проект. А ведь расследование я так и не успела инициировать... Но сейчас меня больше волновало, как много она успела подслушать из нашего с Маркусом разговора.

– Рада вас тоже видеть, Лана.

Они ещё немного поболтали, но господину Карелтону удалось убедить своенравную писательницу продолжить съёмки, и мы с ним отправились в смежную комнату. Там за круглым сенсорным столом уже сидела его творческая группа. После обмена приветствиями мы приступили к делу.

– Итак, Кара, – произнёс Маркус, открыв какую-то 3D-презентацию, – пиар-компанию

зеркального пространства можно считать более, чем успешной. Вы о себе заявили, как писатель. Ваше имя теперь у всех на устах, и когда люди познакомятся с вашим творением на практике, они захотят узнать как можно больше о вас. Чем вы интересуетесь? Какую музыку любите? Какую предпочитаете еду? Как проводите свободное время?.. – Тут он тихонько усмехнулся, видимо, вспомнив дикие сплетни. – Впрочем, не всё им надо рассказывать...

Я открыла рот и тут же закрыла. Пусть думают, что хотят. Всё равно я не могу никому сообщить правду.

– Главное, дать понять, что вы из себя представляете, как человек? «Соседская» девчонка? Роковая обольстительница, вскружившая не одну голову? Или дерзкая выскочка? Так вот, – Маркус перелистнул презентацию, и над столом появилась голограмма с каким-то графиком, – согласно нашим опросам, пятьдесят один процент респондентов считают вас «милой», «доброжелательной», «искренней», тридцать – «забавной» и девятнадцать – гм, «секси». Отличные показатели! Но мы хотим в новой пиар-компании раскрыть ваш внутренний мир, показать, что за образом смеющейся девчонки скрывается интересная личность, дать людям ответ на вопрос, кто вы... Кто же вы, госпожа Грант? Расскажите нам!

Мне не хотелось играть в их игры, не сейчас, когда всё казалось искажённым, неправильным, диким, и я пожала плечами.

– Не знаю. Просто Карина.

Они рассмеялись.

– Хорошо. Мы ещё над этим поработаем.

После этого небольшого совещания я отправилась в гримёрку готовиться к фотосессии. Маркус пообещал, что в связи с новым сложным проектом не станет меня нагружать. Две фотосессии, пробная и основная, плюс всего один ролик. Неплохо, лишь бы удалось со всем справиться без ущерба работе. Мне сделали лёгкий дневной макияж и проводили на съёмочную площадку.

– Отлично! Вот это взгляд! Пробирает до самых костей! – выкрикивал фотограф, порхая вокруг меня. – Не двигайтесь. Нет, и не улыбайтесь. Просто продолжайте рассказывать глазами историю о вашем шатре! Да, вот так! Замечательно!

Я ничего не делала. Молча сидела, смотрела на съёмочную группу и думала о том, как можно было общаться с обитателями Пантеона, пользоваться их творениями, рекламировать их и не обращать внимания на то, что в один прекрасный день те, кем они так сильно восхищались, неожиданно исчезали, уходили в никуда, не возвращались.

Но ни у кого такое положение дел вопросов не вызывало. А ведь с момента открытия эфириуса в Лету канули десятки, сотни, а может, и тысячи писателей.

– Великолепно! Закончили! Госпожа Грант, вы меня сразили. – Фотограф галантно протянул мне руку, помогая спуститься с постамента, и проводил к Маркусу.

Мы с ним попрощались, я вызвала таксолёт и неспешно направилась к парковке. Но на выходе из павильона, в тёмном широком коридоре, меня перехватила госпожа Мартинез.

– Кара, тебя подвезти? – кровожадно улыбаясь, предложила она, выступив из дорогой её сердцу тени.

Лана стояла в тёмных солнцезащитных очках и демонстративно поигрывала ключами с брелоком. Повсюду шныряли её любопытные сумеречные клоны.

Я нахмурилась.

– Нет.

– Как категорично, Кара... – протянула она с притворным укором. – Что так? Ты разве

забыла, что мы с тобой лучшие подружки? – Лана сверкнула зубами, куражась.

Её двуличность меня сразила.

– Мы с вами не друзья, Лана, – тихо ответила я, – и никогда ими не были.

– Как грубо. Я ведь могу и обидеться... – В её голосе отчётливо промелькнула угроза. –

Расслабься, Кара, ты так напряжена...

В этот момент одна из теней госпожи Мартинез подлетела ко мне и принялась, будто бы невзначай... массировать мои плечи. Я посмотрела на это бессовестное создание – оно мне улыбнулось. Перевела взгляд на Лану. Поймала своё отражение в чёрных линзах её очков – глухая стена.

– Серьёзно? – я вскинула брови.

– Кара, дорогая, мои тени живут сами по себе, и я их толком не контролирую... – Она притворно виновато развела руки в стороны, показывая, мол, бессильна.

– Это неправда. Я это точно знаю.

Госпожа Мартинез молча изобразила недоумение, но тень, как по команде, исчезла.

– Прощайте, Лана, – бросила напоследок я и направилась к таксолёту, который как раз подлетел.

Писательница звонко расхохоталась.

– Нечего злиться, Кара! Я просто хотела немного поболтать! Может, как-нибудь сыграем в покер? На интерес?

Точнее на информацию. Из-за её вездесущих шпионов-теней, Лане было запрещено посещать все казино ФФЗ. Но она, чтобы не потерять форму, периодически устраивала с Шоном карточные вечера, во время которых они обменивались секретами.

В покер я играть не умела, и госпоже Мартинез было прекрасно об этом известно. Интересно, что ей от меня понадобилось?.. Какие-то сведения или очередной прототип?

С этими мыслями я листала книги технической тематики в букинистическом магазине, рассматривала схемы машин. Механика... Как же всё это было сложно! А день, считай, прошёл зря. То время, что я потратила на обсуждение рекламной кампании, можно было бы использовать для исследований.

Хорошо хоть следующая фотосессия будет через два дня, а кастинг актёров, которые должны были сниматься в роликах моего шатра, ещё ведётся.

Я тяжело выдохнула. Купила столько книг, сколько смогла унести, и полетела домой.

Глава 3 Скрытые угрозы

До поздней ночи читала об экскаваторах, прикидывая, с какой стороны подступиться к проекту, а утром Даниэль опять отвёз меня в Пантеон.

В голове мелькала крамольная мысль: «Что, если я ошиблась? А в Эдеме убивают не всех писателей-пришельцев?»

Мне надо было убедиться. Поэтому попрощалась с другом и, набравшись смелости, решила отправиться в галерею. Смотреть на портрет Томми было невыносимо, и я забралась на этаж повыше.

Прошла пару метров от лифта, как увидела с противоположной стороны Фредерика Штольцберга. Как всегда, в белоснежном костюме, властный и нарочито доброжелательный, он проводил экскурсию по храму творцов для новой сотрудницы – прекрасной юной блондинки в коротеньком золотистом платье. Она с любопытством озиралась по сторонам и улыбалась так искренне, что хотелось ей улыбнуться в ответ. Наверное, я выглядела так же в день попадания в Эдем.

Хмуро посмотрела на девушку. На вид ей было не больше, чем Элли – дочери Штольцберга. Мне стало жутко. Он ведь знал, что она угодила в чудовищную ловушку и, скорее всего, обречена, но добродушно улыбался, глядя ей прямо в глаза, лицемерил.

Я ощутила укол совести.

– Они всё молодеют и молодеют... – долетел до меня откуда-то справа задумчивый голос госпожи Мариам. Одной из лучших писательниц Либрума.

Я перевела взгляд на неё.

Дориан была одета в пышное тёмно-синее эфириусное платье, по которому текли иллюзорные струйки крови, оставляя за собой на белоснежном полу алый след. Она любила шокировать людей, тем самым поддерживая репутацию писателя дарк фэнтези. Но на самом деле госпожа Мариам не могла свыкнуться со своей смертью, и это событие отпечаталось на её личности.

– Тебя это тревожит, Дориан? – безразлично спросил господин Клай, на котором красовался эфириусный костюм стального цвета. Своими кроєм и фактурой он напоминал доспехи рыцаря. – Беспокоишься, что юные и энергичные смогут тебя потеснить?

– Разумеется, – спокойно сказала она. – Как и ты, мой дорогой Торнтон.

Их взгляды, как по команде, устремились ко мне. Я отвернулась и увидела, что Фредерик Штольцберг тоже внимательно смотрел в мою сторону. В груди разлилась тревога.

Он меня подозревает!

Верховный архонт что-то прошептал на ухо новой работнице, и она, согласно кивнув, отправилась бродить по галерее. А Штольцберг уверенной твёрдой походкой направился прямо ко мне.

Каждый его шаг отбивался в груди барабанной дробью.

Пять...

Четыре...

Пульс зачастил. Дыхание сбилось.

Три...

Два...

Ладони вспотели. Вот бы куда-нибудь провалиться!

Один!

– Доброе утро, Карина, – с фальшивой улыбкой на губах произнёс он. – С возвращением в Пантеон. – Острый взгляд серых глаз метался по моему лицу.

С трудом заставила себя вежливо улыбнуться. Одно неверное слово или действие – и он догадается, что я всё знаю. И тогда меня точно убьют.

– Благодарю.

– Пройдёмся? – От этого предложения по коже пополз холодок, но мой голос прозвучал на удивление твёрдо:

– Конечно.

Очаровательная идиотка с безграничным ресурсом. По словам Шона, он считал меня именно такой. И я решила сыграть эту роль. В ней было моё спасение.

– Господин Штольцберг, мне жаль, что я подвела вас и весь Пантеон с тем проектом. Надо было предупредить стражей, что его следовало срочно отправить в техотдел, но я растерялась и обо всём забыла...

Мой собеседник заметно расслабился.

– Не беспокойтесь об этом, Карина, – снисходительно произнёс он. – Главное, что всё утряслось. Известие о вашем аресте произвело на меня сильное впечатление. Не ожидал, что вы с вашим потенциалом и желанием трудиться на благо Эдема окажетесь в такой неприятной ситуации...

Он бросил косой взгляд на меня. Я потупилась.

– Сожалею, что вас отправили работать на рудник. Но вы должны понимать, Карина, что так устроена система, а без специального образования мы просто не можем давать пришельцам из других миров выполнять высококвалифицированный труд.

– Я всё понимаю, – ответила тихо, отчаянно давя возмущение. – Даже на том руднике от меня было мало пользы...

– Поэтому будем надеяться, что ничего подобного не повторится. Кстати, слышал, что вы взялись за новый амбициозный проект...

Выходит, он и вправду за мной наблюдал.

– Да. – Я заставила себя снова изобразить лёгкое подобие улыбки. – Когда мне стало ясно, насколько сложно работать шахтёрам в аномальных зонах, то идея нового прототипа пришла сама собой.

Штольцберг с притворным добродушием ухмыльнулся:

– У вас поразительная способность, Карина, извлекать для себя выгоду даже из сложнейших ситуаций. Надеюсь, вы ещё не успели шокировать своих коллег страшными байками о рудниках, где выключается любая техника?

Внутренне вздрогнула, уловив угрозу в адрес друзей, покосилась на собеседника.

«Я их уничтожу. Так же, как и тебя, если только посмеешь кому-то обо всём рассказать», – говорили его глаза.

– Разумеется, нет, – ответила я, сглотнув. – Им об этом знать ни к чему. А я бы хотела как можно скорее забыть о случившемся.

Штольцберг удовлетворённо кивнул.

– Хорошо. Если у вас всё получится, моя дорогая... – От этого обращения меня передёрнуло. –...то вы мгновенно войдёте в число лучших писателей Либрума и переедете в этот сектор. – Он указал рукой на пропасть слева от нас, в которой парили белоснежные капсулы топа. – Вы ведь именно об этом мечтали?

Сначала кнут, потом и пряник.

– Да. Я буду очень сильно стараться, господин Штольцберг.

На том мы и распрощались. Верховный архонт ушёл, и только тогда я смогла выдохнуть с облегчением. Хотя пальцы по-прежнему продолжали дрожать.

Кажется, мне удалось усыпить его бдительность и отвести от себя и друзей угрозу. Временно. Только что делать дальше?

Систему невозможно сломать. Уж точно не мне и не в одиночку. А всё из-за эфириуса и человеческой алчности! Но я должна была придумать способ выжить самой и спасти жизни друзей! Хотя пока и не представляла, что можно предпринять, кроме как не заводить долгов.

Я устало потёрла ладонью лицо, и мой мимолётный взгляд скользнул по стенам галереи. Вздрогнула, заметив портрет писательницы, который когда-то внимательно разглядывала с Шоном. Тогда мне показалось, что изображённая на нём ослепительная блондинка с презрением смотрела в объектив камеры, но сейчас я увидела ненависть, разочарование и затаённую боль.

Марианна Штольцберг. Мать Элли.

Неужели Фредерик Штольцберг убил ещё и свою обожаемую жену, а дочери сказал, что она якобы от него сбежала? Но тогда и Элли в опасности! У неё ведь совсем недавно проснулся дар созидания!

Стоп! Нет!

Если бы Элли что-то грозило, на неё бы не надели сдерживающий ошейник и не выслали бы из Либрума в какой-то закрытый пансион. Штольцберг не станет её трогать. В конце концов, она его единственная дочь!

Однако моя рука сама собой потянулась к коммуникатору.

– Элли, милая, как ты? – встревоженно спросила я, едва услышала её голос.

– Нормально... – недовольно пробурчала подруга. – Но ужасно хочу домой...

Я покусала губу, не зная, могу ли ей намекнуть, что в Либруме опасно. Штольцберг вполне мог поставить мой коммуникатор на прослушку. Но даже если и нет... Судьба её матери не была мне доподлинно известна. А подливать масло в огонь отношений Элли с отцом, которого она всё же любила, определённо не стоило.

– ... я уже дважды пыталась сбежать из этой богадельни, – между тем продолжала она, – но дальше километра удрать от этого чёртового пансиона никак не удаётся.

– Неужели там всё так плохо?

– Терпимо. Просто ошейник ужасно раздражает, все на него так косятся... В глаза улыбаются, а за спиной всякие гадости говорят. Не все, конечно, но приятного в этом мало. А преподаватели вообще относятся, как к высокопоставленной преступнице. Бесит!

Остаток разговора прошёл в таком же ключе. Элли была недовольна текущим положением дел, но присутствие духа не теряла. Это обнадеживало.

Я потёрла ладонью лицо и направилась к лифту. Кофе... Мне нужен был кофе, чтобы привести мысли в порядок и успокоиться.

И всё-таки, что же делать? Как осторожно сообщить друзьям, что им грозит смертельная опасность? Как обезопасить Элли? И как остаться живой самой?

Игра по правилам победы мне не принесёт. Даже если я и сумею создать свой экскаватор – это даст всего лишь отсрочку.

Но что остаётся тогда?

Работать над прототипом, параллельно прикидывая, куда можно сбежать? В горы?

Затеряться в одной из аномальных зон? С друзьями мы долго там не протянем. За пределы ФФЗ? Один бог знает, что там творится. Хотя... надо бы выяснить этот вопрос.

Кабинка лифта коротко дёрнулась, послышался отрывистый писк, и я вышла в холл первого этажа, обдумывая планы побега. Внезапно ощутила толчок, чьи-то сильные руки на своих плечах и поняла, что в кого-то врезалась.

– Извините, – пробормотала машинально.

Медленно подняла глаза вверх – и сердце замерло.

Шон!

Он стоял в дорогом чёрном костюме в окружении команды своих личных юристов и внимательно, с затаённой тревогой на меня смотрел. Как же он изменился! Похудел, помрачнел, под глазами пролегли тени от бессонных ночей, но от этого стал выглядеть более опасно и властно.

– Здравствуй, Карина, – произнёс Шон своим низким обволакивающим голосом.

Я испуганно вздрогнула, пальцы разжались – и коммуникатор выскользнул из них и рухнул на белоснежный мраморный пол.

Шон неспешно присел, поднял его, встал, но отдавать не спешил.

– У тебя всё хорошо, Карина?

От этого простого вопроса оцепенение спало. Воспоминания накрыли свинцовой волной. Сердце бешено застучало, кровь прилила к лицу, стало сложнее дышать. Захотелось крикнуть «а сам-то как думаешь?!» и больно его ударить.

Шон ведь когда-то давно тоже был на рудниках, устраивал там бунты, но каким-то чудом сумел вернуться назад. Резко выбился в топ, получил звание лучшего писателя Либрума, подружился с Верховным архонтом и решил сделать вид, будто ничего и не было.

Может, для него и вправду всё позади? Может, он продал Штольцбергу душу? Потому что, как можно спокойно годами взирать со своего пьедестала на то, как творцов, которых он знал, с которыми хорошо общался, арестовывали и отправляли на верную смерть? При этом даже не пытаюсь кому-то из них помочь!

– Да, – ответила тихо, сглотнув.

– Я хочу с тобой поговорить.

Я изогнула губы в презрительной улыбке.

– Не стоит, господин Феррен.

Он нахмурился. Острый взгляд голубых глаз буквально прожигал мою душу насквозь.

– Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти. – Шон протянул коммуникатор, я потянулась к гаджету, но он в последний момент его придержал. – Будь осторожней, Карина.

Это что, предупреждение? Или угроза? Что если Штольцберг с ним меня обсуждал и ему что-то известно? В любом случае надо быть начеку.

– Прощайте, господин Феррен, – сухо сказала я и направилась к кафетерию.

В одиночестве выпила кофе, глядя расфокусированным взглядом куда-то в пустоту, а затем вернулась обратно в свою капсулу. Проект «Антианомалия» был слишком сложным, и, пока я пыталась создать хотя бы подобие обычного экскаватора, в голове мелькала крамольная мысль: «Может, не поздно ещё отказаться? Попросить изменить задание?» Но на что?

Я была на взводе, напугана, напряжена и в таком состоянии не смогла бы придумать что-то светлое и прекрасное, вроде моего шатра воспоминаний. Нет, блестящая мишура меня больше не привлекала. Приоритеты сменились. Я хотела создать что-то по-настоящему

важное. Излить свою боль в творчество. Возможно, тогда разум очистится, я успокоюсь и смогу понять, как спасти себя и близких людей.

К тому же, мне ведь каким-то образом удалось создать того дрона на рудниках...

Нет, выбор сделан.

Назад дороги нет.

Глава 4 В поисках выхода

– Ребята, вы не знаете, когда нам причитается отпуск? – с притворной улыбкой спросила друзей, пока мы обедали в космосфере у Даниэля.

Тим хотел привнести в интерьер какие-то изменения, но напортачил с формулой материализации, и расстояние между планетами увеличилось, а его забросило на Плутон.

Макс, развалившись на кольцах Сатурна, насвистывал какую-то песню и с интересом наблюдал за попытками брата вернуться назад. Майя с Мари расстелили небольшое шерстяное клетчатое покрывало в одном из лунных кратеров и пили на нём чай с пирожными.

А владелец сферы сидел в своём серебристом широком космокресле, полностью поглощённый проектом, о котором ему никому нельзя было рассказывать, и не обращал на гостей никакого внимания.

Я находилась немного в стороне от остальных. Энергично жевала салат с ветчиной и грибами и хмуро наблюдала за ними. Друзья выглядели такими весёлыми, беззаботными, что мне было не по себе.

– Да ладно, Кара! Ты же только вернулась! – удивился Макс, который каким-то чудом сумел расслышать вопрос.

– И всё же?

– По идее, раз в двенадцать месяцев можно отчаливать из Пантеона... но там столько бумажной волокиты и всяких бюрократических штучек, что мы с Тимом с этим пока что не связывались...

– Каких ещё штучек? – уточнила я.

– К примеру, нельзя оставлять проект недоделанным... Или если твой прототип выстрелил и назревает серия срочных крупных контрактов, – подключилась Мари.

Из нашей компании она и Йелло дольше всех прожили в Эдеме. Но господина Фейна здесь не было, так что госпожа Арлен была самой компетентной из присутствующих в этом вопросе.

– Хотя обычно администрация Пантеона идёт писателям на уступки. Все заинтересованы в том, чтобы мы не перегорели. – Я поджала губы. – В любом случае, – продолжила Мари, – так просто тебя не отпустят. Надо проработать в Пантеоне минимум восемь месяцев, чтобы подать заявку на отпуск.

Значит, передышки не будет. Жаль.

– Топам в этом плане легче. Это мы, мелкие сошки, обязаны каждые три месяца выдавать что-то новенькое. А они могут больше года корпеть над одним сложным проектом и всегда сумеют договориться с господином Штольцбергом, если почувствуют необходимость в небольшом перерыве. К их услугам любые развлечения и курорты Эдема.

По поводу топа Мари заблуждалась: всё было далеко не так радужно. Но я не стала исправлять подругу, а вместо этого осторожно спросила:

– А ты была когда-нибудь за пределами ФФЗ?

– Нет, – сказала она небрежно и взяла с тарелки заварное пирожное. – Да и зачем? Здесь есть, на что посмотреть.

– Ну... мало ли... В прошлой жизни я любила путешествовать... Было бы любопытно узнать, сильно ли отличаются страны Эдема от наших, разве нет?

А заодно и сбежать из ФФЗ под благовидным предлогом.

– Согласна, – поддакнула Майя. – Но с разрешением на заграничные выезды всё очень сложно.

Мы с Фредом подумывали отправиться в круиз вокруг света... – Она неожиданно замялась. – Но решили отказаться от этой идеи. ФФЗ очень закрытая страна. А писатели – вроде как обладатели секретной информации. Ну, из-за того, что мы создаём в Пантеоне...

– Понятно. – Я постаралась скрыть за будничным тоном своё разочарование. – Больше провозишься с бумажками, чем отдохнёшь. Тогда уж лучше местные пляжи.

– Именно! – просияла Майя. – Или горнолыжные курорты на севере...

Внезапно послышался взволнованный голос Тима:

– Ура!

Я обернулась, и увидела тоненькую чёрно-белую музыкальную дорожку, как в фортепьяно, тянущуюся от Плутона к Луне.

– Сейчас я вам сыграю «Собачий вальс»! – радостно выпалил он и принялся ритмично перепрыгивать с клавиши на клавишу.

– Твоя учительница музыки, мадам Бланк, была бы в восторге, – лениво заметил Макс, а мы рассмеялись, наблюдая за ними.

– Та-дам, я снова с вами! – пафосно сообщил Тим, оказавшись вблизи лунного кратера, где сидели девчонки. – Даниэль, не забудь сохранить последние изменения в интерьере! Я бы не прочь ещё раз у тебя помузицировать... Даниэль!

– Что? – растерянно пробормотал друг. – А, да... Сохранить последние настройки! – громко выкрикнул он, не отрываясь от своего занятия, и в следующий миг раздался компьютерный женский голос:

– Последние настройки сохранены.

– Отлично! – произнёс донельзя довольный Тим и присоединился к девчонкам.

Плюхнулся на плед около Майи и принялся нахально рыться в корзинке Мари с провиантом. Вытащил оттуда тост с творогом и клубникой в вакуумной упаковке, деловито покрутил в руках, а потом швырнул в мою сторону:

– Кара, лови! Тебе не помешает... О, а это мне! – Он энергично накинулся на тост с ароматным беконом и, чавкая, уточнил: – Девчонки, вы же не возражаете?

Они переглянулись и прыснули.

В этот момент по сфере Даниэля снова разлетелся компьютерный женский голос:

– Госпожа Маринова просит разрешение войти.

– Разрешаю! – выкрикнул Даниэль, и мы полетели к стыковочной площадке.

А спустя пару минут к нам присоединилась хмурая Лиза со стаканчиком эспрессо в руках.

– Бездельничаете, как обычно? – бросила она вместо приветствия и направилась к нам с Даниэлем. – Кара, хорошо, что ты здесь. Тебя искала Кристина.

– Да? – встрепенулась я. – Что-то случилось?

Лиза создала себе кресло на колёсиках, плюхнулась в него, покрутилась, но оно было втиснуто между нашими с Даниэлем, и недостаток личного пространства её не обрадовал.

– Тебе надо подписать договор. Загляни в юротдел, как доешь.

– О, спасибо! – В два укуса я дожевала тост, залпом допила холодный чай и подскочила со своего кресла. Его тут же заняла Лиза и принялась удовлетворённо потягивать кофе, параллельно о чём-то расспрашивая Даниэля. – Ребята, до встречи!

– Кара, стой! – спохватился Тим. – Мы с Максом выйдем с тобой. Лиза права, хватит

бездельничать.

Пока Макс спускался с Сатурна, его братец энергично распахивал по карманам батончики, позаимствованные из всё той же корзинки, которая пустела на глазах.

– Ну всё, мы готовы! Идём!

Двери сферы открылись, и мы втроём оказались на стыковочной площадке. Вместе вошли в лифт. Но стоило лишь остаться с братьями наедине, как Макс по-свойски меня приобнял и небрежно спросил:

– Ну что, Кара, колись! Что делают на тех работах? Мы с Тимом изнываем от любопытства! – Тот согласно кивнул.

Невольно вздрогнула, напряглась.

– Ребята, давайте не будем об этом...

Тим покачал головой.

– Кара, ты пойми, мы же не только для себя стараемся. Все наши друзья беспокоятся, спрашивают, что да как, а мы только пожимаем плечами...

– ... Даниэля на новом месте тоже не тормозит только ленивый, – продолжил за брата Макс. – Он говорит спрашивать у тебя. А ты своим молчанием только подогреваешь всеобщий интерес! Кара, ну сколько можно ломаться?!

– Просто мне нечего вам рассказать... – соврала я, памятуя о недавней угрозе Штольцберга. – Работы как работы.

Двери лифта с тихим писком открылись, и я выскочила как ошпаренная из кабинки. Припустила к кабинету юристов, на ходу бросив:

– Извините, я тороплюсь!

В юротделе царила ужасная суматоха. Специалисты носились с какими-то документами, тяжёлыми папками, что-то скороговоркой и по-деловому сухо обсуждали. Вокруг них крутились творцы. При таком столпотворении и галдёже было не удивительно, что меня не заметили.

Ан нет, всё же заметили.

– Госпожа Грант! – окликнула меня госпожа Ринсте – строгая женщина среднего возраста в сером костюме и очках в роговой оправе. – Хорошо, что вы сами пришли! Идите сюда! – Она энергично замахала рукой, подзывая к своему сенсорному столу, над которым висели голограммы с разного рода текстами.

Стоило мне оказаться подле него, как госпожа Ринсте размахнулась и вlepила сенсорной перчаткой печать Пантеона внизу какого-то документа.

– Присаживайтесь.

Я, словно школьница на экзамене, осторожно уселась на краешек стула, сложила на коленях руки.

– Так... – Госпожа Ринсте разом свернула висевшие в воздухе файлы и, порывшись в папке, открыла новый. Пробежалась по нему глазами. – Договор номер шестьсот восемьдесят один... Хм, аномальные зоны... Смело.

Я закусила губу, напряглась, благо отвечать ничего не пришлось. Моя собеседница склонилась над стопкой бумаг, лежавших на правой половине стола, и извлекла из неё документ, отпечатанный мелким шрифтом.

– Вот ваша копия. Подпишите вот здесь и вот здесь. – Она протянула мне сенсорную ручку.

– М-м-м... Я бы хотела сначала всё прочитать...

Госпожа Ринсте приспустила очки, окинула меня задумчивым взглядом.

– Читайте. Кто вам мешает?

Я быстро пробежалась глазами по договору.

Исполнитель – Кара Грант... Заказчик – Пантеон... Экскаватор... Срок исполнения – три месяца...

Перелистнула страницу.

В случае невыполнения – штраф в размере пяти процентов от стоимости заказа за каждый день просрочки... Дорого. Но всё же намного меньше, чем в прошлый раз. Кристина сдержала слово.

Однако пункт про возможность перекупки договора третьими лицами и возможной замены проекта в случае неуспеха лишь с разрешения заказчика насторожили. Пантеон был детищем Штольцберга. Его бесценной собственностью и, вероятно, тем кровавым трамплином, благодаря которому он обрёл почти безграничную власть в стране. А моя жизнь зависела от его воли...

– М-м-м... Я бы хотела внести некоторые коррективы в пункты три и четыре... – начала осторожно, но меня перебили:

– Госпожа Грант, это стандартная форма договора для работников Пантеона вашего уровня. Вот выбьетесь в верхнюю десятку, тогда сможете диктовать ваши условия...

Она резко осеклась, но окончание фразы «как господин Феррен» буквально повисло в воздухе.

– Понятно, – мрачно ответила я и расписалась сенсорной ручкой на голограмме.

– Хорошего дня! – натянуто улыбнулась госпожа Ринсте. – Следующий!

Я медленно встала со стула и, читая свою копию договора, покинула переполненный кабинет. Но стоило лишь переступить порог юротдела, как на меня живой стеной надвинулись Макс с Тимом.

– Боже мой! Вы меня напугали! – выпалила я, чуть в них не врезавшись. – Нельзя так подкрадываться!

– Мы не подкрадывались, а поджидали, – хохотнул Макс.

Тим кровожадно улыбнулся и издевательски вежливо уточнил:

– Продолжим начатый разговор?

– Ребята, ну сколько можно? Мы ведь уже всё обсудили. Больше говорить не о чем!

– Кара! Ты нас что, за дураков держишь? – возмутился Макс. – Ты проторчала на тех работах около двух недель, а вернулась в таком виде, что тебя не узнать!

– Нервная, замкнутая, перепуганная, – подхватил Тим, – с осипшим голосом. И худая, как... как жердь!

– Обычно говорят высокая, как жердь, – поправила его я и припустила к лифту. Парни рванули за мной. Пришлось выдавить из себя очередную ложь: – У меня было сильное отравление. Потому и похудела, понятно? Всё, хватит ко мне приставать!

– Интересно, чем же ты так отравилась? – весело уточнил Тим. – Может, это из-за токсичных отходов?

– Что?..

– Или из-за радиации?

– Э-э-э...

– А может, из-за участия в секретных экспериментах?! – энергично выпалил Макс.

– В каких ещё экспериментах?

– Химических. Или психологических, – охотно уточнил он. – Тебе, Кара, виднее.

– Да вы что, совсем спятили! – разозлилась я и запрыгнула в лифт.

Ребята заскочили в кабинку следом.

– Мы – нет, – возразил Тим. – А вот ты что-то от нас скрываешь... Это не по-дружески, Кара.

– Признавайся давай! Или хотя бы намекни! А то мы с Тимом близки к тому, чтобы сознательно завалить проекты и отправиться по твоим стопам в неизвестность... – мечтательно протянул Макс, а у меня в груди что-то оборвалось.

– Не вздумайте этого делать! – выпалила испуганно я, и ребята, оценив мою мимику, переменялись в лице.

Макс ещё продолжал улыбаться, натянуто, неестественно, в серых глазах сквозила тревога. Тим выглядел озабоченным, удивлённым.

Чёрт! Если они догадаются, то им обоим конец!

– Кара...

Перед глазами от страха всё поплыло. Я пошатнулась.

– Кара! – выпалил Тим и подхватил меня. – Что с тобой? Неужели там всё настолько плохо?

– Я... Мне... – просипела я, лихорадочно соображая, как их уберечь. И на меня снизошло озарение. – Я услышала голоса родителей...

Макс недоверчиво на меня посмотрел.

– Голоса? Тебя до сих пор преследуют галлюцинации?

Я слабо кивнула и потёрла ладонью лицо. Галлюцинации первое время мучили всех, кто попал в Эдем из других миров. Но обычно спустя месяц-два они проходили. В моём случае дела обстояли иначе. Возможно, это была реакция на сильный стресс. А может, моя душа не приняла новое тело и из-за этого угасал мозг...

– Тебе надо показаться врачу! – решительно заявил Макс.

– Не стоит... Я пью двойную дозу таблеток. Обычно они помогают, но сегодня я, кажется, пропустила утреннюю дозу...

Двери лифта с тихим писком открылись, и мы втроём покинули злополучную кабинку.

– Так вот оно в чём дело, – задумчиво протянул Тим и на ходу обменялся многозначительными взглядами с братом.

А мне показалось, что эти слова значили куда больше, чем простая ремарка о моём самочувствии.

– Кара, ты это... береги себя, – смущённо пробормотал Макс, останавливаясь. – Нельзя пропускать приём. Небось, и на тех работах за временем не следила?..

Я слабо улыбнулась.

– Бывало по-всякому. А вы... не ввязывайтесь ни во что, хорошо?

– Да ладно тебе! – фыркнул Тим. – Мы же пошутили! – Я испытала прилив облегчения. – Ты это... возьми, подкрепись. – Он вытащил из карманов пару батончиков в шоколадной глазури и протянул мне. – Тебе не помешает.

– Спасибо.

Мир снова был восстановлен.

– Хочешь мы с Максом отвезём тебя сегодня вместо Даниэля домой?

– А лучше все вместе заглянем в «Гадкий я»?

Посидеть в нашем любимом пабе за пинтой холодного пива ужасно хотелось, но страх

не успеть сделать проект заставлял меня отказываться от развлечений.

– Предложение соблазнительное... – начала осторожно я, но случайно глянула на часы. – Вот чёрт! Фотосессия! Ребята, извините, мне надо бежать! – бросила я и, крепко сжав договор, рванула к своей сфере.

Оказавшись внутри, быстро собрала вещи, отключила компьютер и полетела обратно к лифту. В холле первого этажа центральной трубы стеклянные двери распахнулись, и я нос к носу столкнулась с Ланой.

Она была вся в крови! Судя по металлическому запаху, не эфириусной, настоящей!

– Госпожа Мартинез, – выдохнула я, с испугом глядя на алые брызги на её шее, левой щеке, чёрные включенные волосы, промокшие тёмные джинсы и некогда белый топик... – Хорошо прошло утро?

Лана была не в духе, но, услышав мой голос, зловеще улыбнулась.

– Замечательно... – тихо сказала она и принялась на меня угрожающе наступать. – Могу и тебя взбодрить, Кара. Если желаешь?

Я отшатнулась и осторожно по стеночке стала её обходить.

– М-м-м... Нет... Спасибо, я и так бодрая... как молодой кузнечик... Может, как-нибудь в другой раз? – нервно улыбнулась я и выскочила из лифта так, словно оттуда в любую секунду могли вылететь тысячи острых клинков. – Всего доброго, Лана! – добавила, отбежав на безопасное расстояние.

Она расхохоталась диким болезненным смехом и полетела наверх.

А я, впрочем, как и десятки творцов, жавшихся друг к другу по углам холла, расслабленно выдохнула. Думать о том, почему госпожа Мартинез была в таком жутком виде, времени не было. И я понеслась к парковке, где меня поджидал карлёт господина Карелтона.

К моему удивлению, пробные фотографии получились отлично. И это несмотря на то, что после рудников я выглядела паршиво. Даже странно, что камере мои внешние метаморфозы понравились...

– Грандиозно! Один кадр лучше другого! – восхищённо вскрикивал господин Карелтон, показывая мне «сырой» материал в окружении ребят из его творческой группы.

Оставалось всё это закрепить.

Мне сделали макияж с акцентом на глазах, переодели в блестящее чёрное, словно уголь, платье с длинным шлейфом – благо, не эфириусным! – и выпроводили на съёмочную площадку. Попросили материализовать мой шатёр воспоминаний – и действие началось!

Пока я крутилась возле своего творения под вспышками фотокамер, то и дело корила себя за то, что не догадалась в день попадания в Эдем превратить своё тело в супероружие, как это сделала Лана. Тогда можно было бы попытаться выбраться с боем из ФФЗ.

Штольцберг ведь ни за что по-хорошему не выпустит ни меня, ни друзей за пределы страны! Но даже если бы мы с ребятами объединили наши усилия, то вряд ли бы смогли на равных сразиться с вооружёнными до зубов стражами. Доведись нам при этом остаться в живых, началось бы преследование... А там подключились бы и спецслужбы соседней страны...

Наверняка фотограф ужасно бы удивился, узнав, что творилось в моей голове. Но он не умел читать мысли и всем остался доволен. По его словам, мне интуитивно удавалось правильно ловить свет, а внутренние преобразования отразились на внешности.

– Можете переодеваться! – наконец разрешил он, и я с затаённой радостью рванула в гримёрку.

Пока стаскивала с себя платье, услышала, как в сумочке зазвонил коммуникатор. Тут же схватила гаджет одной рукой, но, обнаружив на экране надпись «Йен Шульте», замерла, не в силах нажать на «ответить».

Йен был главой совета директоров «Либрум индастрис», и после моего ареста из-за действий его компании желания с ним общаться не возникало.

Коммуникатор в руке перестал тренькать, вибрировать, и сонное оцепенение спало. Я выдохнула с облегчением и позвонила Даниэлю.

– Привет, заедешь за мной?

Пока дожидалась друга, прокручивала в голове ситуацию с Йеном. Скорее всего, нам всё же придётся встретиться. Но мне бы хотелось оттянуть этот неприятный момент. А ещё... Что-то, связанное с его именем, не давало покоя. Но что именно, я не могла понять.

Йен Шульте... Йен Шульте... По словам Элли, он считался одним из самых завидных холостяков страны... Мы с ним раззнакомились в ходе работы над меморисборником, который нужен был Йену для расследования внезапной смерти отца. Он основал «Либрум индастрис»... А его родная сестра, если память мне не изменяла, дала стартовый капитал. Она была писательницей. Как и я.

– Точно! – выпалила я и стукнула себя по лбу. – Это именно то, что нужно!

И, когда Даниэль прилетел за мной, первое, что я выкрикнула, было:

– Срочно летим в Центральную библиотеку!

Когда карлёт приземлился возле величественного зеркального здания в виде огромной ракеты, стремящейся в небеса, я выскочила как ошпаренная из салона и, обогнув искрящиеся фонтаны, рванула вверх по ступенькам.

– Кара, стой! – окликнул меня Даниэль со смешком. – На тебя что, снизошло озарение?

– М-м-м... что-то вроде того, – ответила я уклончиво и остановилась.

Вместе мы прошли пост охраны, миновали атриум и поднялись на второй этаж по скользким мраморным ступенькам. Затем свернули в левое крыло, которое было усеяно огромными портретами лучших писателей ФФЗ.

Длинный глянцевый коридор вывел нас в светлое просторное помещение со множеством роботов-стеллажей, кружившихся упорядоченными цепочками по периметру. На белоснежном потолке красовалось вылепленное из глины лицо Кристофера Нолланда в образе Зевса.

– Добрый день, чем могу вам помочь? – любезно спросила у нас девушка-консультант.

– Здравствуйте, – улыбнулась я, вдыхая древесный тягучий аромат книг, – подскажите, пожалуйста, может, у вас есть какой-нибудь каталог с описанием изобретений творцов или что-то вроде него?

В голубых глазах девушки вспыхнули огоньки.

– Разумеется. Следуйте за мной.

Мы с другом переглянулись и неспешно пошли за ней к центру зала. Там, на массивной бронзовой подставке с головой совы лежала огромная распахнутая на середине книга. Её страницы переливались, а рисунки карандашом меняли свои проекции.

– Хрустальная бумага, – произнёс Даниэль с усмешкой.

– Именно, – согласно кивнула девушка-консультант. – Благодаря этому можно не только выставить справочник в общем доступе, но и постепенно дополнять его описаниями новых устройств. – Она нажала на клюв совы – и в воздухе появилась голограмма со справочной

информацией. – Здесь в алфавитном порядке указаны имена творцов с перечнем их прототипов. Выберите того, кто вам нужен, и просто откройте книгу на нужной странице. Если возникнут вопросы – обращайтесь.

Я поблагодарила девушку и с затаённой тревогой полезла в каталог.

– Что ты хочешь найти? – с любопытством спросил Даниэль.

– Пока точно не знаю. Просто кое-что вспомнила, – пробормотала я, листая каталог вниз.

Наконец увидела запись «Шульте Эмилия» и остановилась. Открыла страницу триста семьдесят два и стала внимательно читать описание придуманных ею устройств.

Да, дела обстояли именно так, как Йен и рассказывал. Его тётя, одна из бывших местных творцов, действительно разрабатывала прототипы, которые помогали дублировать книги писателей-пришельцев из иных миров. Даже более, на основе этой технологии были созданы устройства, помогавшие воспроизводить фильмы, придуманные за пределами Эдема.

Интересно, как такое было возможно? Йелло ведь говорил, что Эдем от других миров отделяла завеса, которую нереально не то, что преодолеть, но хотя бы приподнять, чтобы узнать, что там происходит. Люди умирали в попытках... Но эти сведения о книгах и фильмах...

Раньше я предполагала, что либрумцам каким-то образом удавалось считывать память с душ пришельцев... Но что, если я ошиблась и Эмилии Шульте и писателям вроде неё удалось найти лазейку?

В груди зародилась надежда. Хоть бы я оказалась права!

Глава 5 Опасный эксперимент

Это случилось в пятницу. Я была в своей сфере. В программе «Творец» не существовало опции «Симуляция аномальной зоны», поэтому пришлось выбрать режим «Шумовые факторы». Я поставила в настройках «максимальную интенсивность», включила погромче драйвовую музыку и стала творить.

– Я вижу бараки, сколоченные из разноцветных обшарпанных досок... Прогнившие крыши с зияющими дырами... Слышу шум ветра, шелест крысиных лап и хвостов... – прошептала я – и образы из моей памяти ожили. – Откуда-то справа доносится топот копыт, лошадиное ржание, скрежет железных кирок, лопат... Руда лежит высокими горками, напоминающими египетские пирамиды. У их подножия – телеги с лопатами. А вместо людей – огромные каменные изваяния в виде шахтёров, занятых делом, ленивых охранников с куревом и автоматами, стражей, привёзших в кандалах очередного творца...

Я прервалась на пару мгновений, задумчиво оглядела свои ожившие фантазии. Благодаря выставленным настройкам их цвета приобрели неестественные контрастность и яркость, формы стали гротескными, непропорциональными, а звуки многократно усилились. Творение художника-сюрреалиста – вот, что напоминали они! Но видимость пока что была достаточной. А это не вписывалось в мой план.

– Наступила ночь... Тьма сгустилась над бараками, шахтами, далёкими очертаниями гор и поросшими клевером и вербеной холмами. Начался дождь. Мощные порывы ветра шатали из стороны в сторону реликтовые чёрные сосны, разбрасывали телеги, сдували руду...

Я осмотрелась. Стало намного лучше. В плане чудовищной видимости. Во всём остальном – Апокалипсис. Но и он был мне на руку: если за моей сферой велась слежка, то в таком кавардаке разглядеть то, чем я занималась, было проблематично. Даже мне. Следовало внести коррективы:

– В свете кровавой луны на дальнем холме угадывались очертания глиняной армии императора Цинь из восьми тысяч воинов... – Я удовлетворённо кивнула, оглядев чудовищный результат. И выставила вперёд руки, представив, будто собираюсь редактировать голограммы в сенсорных перчатках. – Грянул гром. Разразилась гроза. И с каждым ударом молнии пространство вокруг трескалось, ломалось и искажалось.

Как именно, показала руками и тут же восхищённо присвистнула. Обстановка – огонь!

– Сохранить последние изменения! – крикнула в пустоту.

– Последние изменения сохранены, – ответил мне компьютерный женский голос, который из-за воя ветра, неистового ржания лошадей, раскатов грома и соло электрогитары почти не был слышен.

А я, довольная царившим вокруг меня хаосом, принялась создавать экскаватор.

Когда ало-оранжевые очертания фантазийной машины проступили в воздухе, я осторожно забралась в салон и подумала о родных. В красках представила наш светлый уютный дом, полный радостей и печалей... Сколько в нём было любви и тепла! Я подумала о том, как здорово было бы сейчас оказаться среди родных, и продолжила страстно шептать формулу материализации. Но кроме описания управления гусеницами, стрелой и ковшом, осторожно вплела пару фраз про поиск точек соприкосновения со своим миром.

Мне не нужно было пытаться открыть портал – из-за обратки это было слишком

рискованно. Но! я должна была незаметно прощупать почву. Сделать первый робкий шаг на пути домой. Я была уверена, что если действовать осторожно, то всё должно получиться.

–... *наметить дорогу в свой мир*, – закончила шептать я – и реальность поплыла.

Я увидела знакомый с детства район, школу в которую ходила, в которой теперь учится Мила. Это выглядело так, будто белоснежная оболочка капсулы поплыла, стала растворяться, словно туман, сквозь который открывались виды на привычные мне объекты. До боли желанные. Настоящие.

Я улыбнулась. Неужели всё получилось?

А в следующий миг ощутила резкий энергетический удар в грудь. Мой фантазийный экскаватор дёрнулся и вместе со мной отлетел назад, с грохотом врезался в белоснежную стену капсулы, корёжа реальный и воображаемый металл, сжимаясь, грозя раздавить и меня.

Взревела сигнализация.

Я начала задыхаться... Голова раскалывалась, перед глазами всё плыло, а каждый вдох сопровождался вспышкой оглушительной боли... Осколки стекла оцарапали щёки и лоб, застряли в шее, плече, но у меня не было ни сил, ни возможности их достать.

Фантазия развеялась, и я, скрюченная и изломанная, рухнула на мокрую фантазийную землю.

«Карина, девочка моя, тебе плохо?! – услышала голос мамы. – У тебя что-то болит? Я сейчас-сейчас...»

Внезапно за моей спиной послышался короткий щелчок – и я периферическим зрением заметила столп белых искр. Сознание сузилось, веки отяжелели, и последнее, что запомнила прежде, чем отключиться, были ало-оранжевые язычки пламени, плясавшие на треснутой оболочке капсулы и удушающий запах гари.

Что ж, во второй раз умирать не так страшно... Уж лучше так, чем на рудниках...

Я видела пронзительно голубые глаза Шона... Ощущала почти позабытые прикосновения сильных горячих рук... Вдыхала любимый аромат мужского парфюма... И уже не понимала, почему мы с ним расстались, почему я его ненавижу и стараюсь забыть. Тьма ушла, оставляя лишь свет – лучшее, что было между нами. Кажется, я попала в рай...

– Кара, вы меня слышите?

Незнакомый голос показался раздражающе громким, неприятным. Я сплотнула. Во рту было сухо. Язык приклеился к нёбу, губы не слушались, а тело сделалось неподъёмным, пудовым, чужим.

– Что... что произошло? – просипела я и неожиданно поняла, что от этого простого действия заболело лицо.

Напряглась, собрала все оставшиеся силы и заставила себя кое-как приоткрыть веки. Но тут же испуганно дёрнулась. Кругом была какая-то мутная розовая жидкость, и я в ней плавала. От плеч, ног и груди отходили жуткие трубочки, рёбра сжимали странные железные клешни, впереди маячило что-то наподобие «руки» 3D-принтера...

– Кара, не пытайтесь освободиться!

Дыхание сделалось рваным, мышцы напряглись. Я задёргалась и нечаянно сдвинула жёсткую прозрачную маску, которая сдавливала лицо, словно щупальца краба. Немного, буквально на миллиметр. Но вязкий раствор просочился под пластик, растёкся по коже, а в нос ударил резкий запах медикаментов.

– Успокойтесь! Вы попали в больницу! – произнёс какой-то мужчина, одетый во что-то белое. Из-за мутной вязкой жидкости, что окутывала моё тело, его было невозможно

рассмотреть.

Больница... Значит, сейчас я в больнице... Эта мысль успокаивала.

Я перестала дёргаться. Выровняла дыхание и снова повторила вопрос:

– Что произошло?

– А что вы последнее помните? – профессиональным тоном спросил врач.

Я задумалась.

– Экскаватор... Я создавала его...

– Во время вашей работы произошёл несчастный случай. Ваша сфера загорелась. Но вас вовремя успели спасти.

– Кто? – прохрипела я, подумав о Шоне.

– Вас привезли в больницу представители службы безопасности Пантеона вместе с «небесными» медиками. Насколько мне известно, на посту охраны сработала сигнализация, и вам сумели быстро прийти на помощь.

Я устало смежила веки, переваривая информацию. Выходит, привиделось. Мозг снова выдал желаемое за действительное. А может, воспроизвёл обрывок старого воспоминания. Почему бы и нет? Шона ведь в капсуле не было. Наверное, я подсознательно воспринимала его как кого-то надёжного, безопасного. Того, кого мечтаешь увидеть в критической ситуации, на чью помощь надеешься. И это несмотря на его предательство. Паршивая мысль. Горькая, унижительная.

– Поспите. Сон поможет скрасить ожидание, пока питательная среда и репаратор, кстати, изобретение вашей коллеги – Зои Гамильтон, будут лечить организм. Если осложнения не возникнут, завтра вас переведут в обычную палату. И мы добавим несколько процедур для восстановления мозга. Вы ведь до сих пор принимаете препараты от галлюцинаций? – Я легонько кивнула. – Мы с коллегами это учли. Выздоровливайте.

Послышался стук каблуков, шелест одежды, а его изображение начало растворяться.

– Доктор, постойте... – выкрикнула я прежде, чем он окончательно скрылся из виду. – Мои шрамы... Те, что на спине и плече... Они исчезнут?

– Только если вы того пожелаете.

– Уберите тот, что на руке, а остальные... оставьте. Пожалуйста.

– Хорошо. Поправляйтесь.

К счастью, никаких осложнений не возникло, и вскорости меня выпустили из того плотного пузыря, заполненного отвратительной жидкостью. Резкой боли в шее, груди, спине и плечах больше не ощущалось. Остался лишь приглушённый след. Вполне терпимый, хотя и неприятный.

Я лежала в одноместной палате. Светлой, просторной, но с едва уловимым запахом медикаментов. Он смешивался с ароматом цветов. На прикроватной тумбочке и подоконнике уже красовались дорогие букеты. К моей вене была подключена капельница, а шея и рёбра хотя больше и не были зафиксированы, но врач попросил не делать лишних движений.

Сотрясение, переломы, внутреннее кровотечение, множественные порезы... Я особо не вслушивалась в перечень повреждений, но это запомнила. Однако мои мысли по большей части были прикованы к неудачному эксперименту.

Почему в меня ударило энергетическим импульсом? Я ведь не открывала портал в свой мир, не старалась сделать картинку чётче или каким-то образом взаимодействовать с увиденным. Считай, всего лишь напала на след. И чуть не погибла при этом. Что за завеса отделяла Эдем от других веток реальности? Откуда она взялась? И что если её природа была

той же, что и у аномальных зон?

В палату постучали.

– Войдите! – крикнула я.

Дверь растворилась в воздухе – и на пороге в эфириусном белоснежном костюме появился Фредерик Штольцберг. За его спиной маячили фигуры трёх с виду солидных серьёзных мужчин.

Стало страшно. Они знают, что я пыталась совершить!

– Здравствуйте, Кара, как самочувствие? – вежливо поинтересовался Верховный архонт.

Во рту сделалось сухо. Я сглотнула, облизала потрескавшиеся губы и хрипло сказала:

– Уже лучше. Спасибо.

– Рад это слышать. – Он улыбнулся, но взгляд серых глаз остался ледяным. – Ваш лечащий врач сказал, что скоро вы должны окончательно выздороветь. Мне жаль, что приходится вас беспокоить в такой момент, но мы вынуждены расследовать обстоятельства произошедшего несчастного случая.

Точнее, выяснить, что его спровоцировало и при необходимости отправить меня обратно на рудники!

Пульс зачастил, о чём предательски сообщил монитор одного из подключённых ко мне приборов, и я поняла, что надо срочно брать ситуацию в свои руки.

– Господин Штольцберг, вы... вы можете рассказать мне о том, что случилось? Доктор что-то говорил про пожар, но... я не понимаю, как он возник! Я... я работала, как обычно... Пыталась создать экскаватор... Тестировала двигатель, рычаги... А потом меня ударила в грудь силовая волна...

Я жалобно всхлипнула и осеклась, имитируя недоумение, сожаление и посттравматический страх.

– Откуда она взялась? Неужели это произошло из-за фантазийной грозы? Или я опять утратила контроль над фантазией?

– Моя дорогая, мы считаем, что вы каким-то образом сумели коснуться Покрова.

– Покрова? – растерянно переспросила я. – Что это такое?

– Дело в том, Кара, – произнёс он, буравя меня вьедливым взглядом, – что вокруг Эдема существует своего рода завеса, которая не даёт нам перемещаться в другие ветки реальности. Её невозможно преодолеть...

– Кажется, я что-то такое слышала, – пробормотала тихонько.

Можно было бы притвориться, что мне про неё ничего не известно, но в ходе расследования могло бы всплыть упоминание о подобном случае с Йелло... А раз мы с ним друзья, то такое обстоятельство бросало тень подозрений на нас двоих. Нет, разумнее было сделать вид, что я имела представление о Покрове, но проламывать его не собиралась.

– Но... какое отношение этот... Покров имеет к моему проекту? Не понимаю... Он же опасен...

На лице Штольцберга отразилось искреннее изумление. Тем не менее, Верховный архонт быстро пришёл в себя.

– Постарайтесь припомнить, моя дорогая, что вы делали и говорили перед тем, как ощутили силовой удар?

Я нахмурилась, изображая задумчивость. От страха задрожали пальцы. Пульс стал почти нереальным. Я ненавидела Штольцберга и боялась его. Господи, как же сильно боялась. Того, что он мог сотворить со мной и того, что мог сделать с друзьями.

– Я... я... толком не помню... В «Творце» не было симуляции аномальной зоны, и я выставила максимально сложные настройки... Потом стала создавать дополнительные шумовые факторы... Действовала вслепую. Тараторила всё подряд... Выдавала первое, что приходило в голову... А потом раз – и...

Я потянулась рукою к груди и снова всхлипнула, стараясь изобразить истерику. Но из глаз тут же брызнули горькие слёзы, потекли по щекам – нервы, натянутые до предела, в один момент сдали. Так что притворяться мне и не пришлось.

– Я... я не хочу умирать... во второй раз... Только не так... Посреди недоделанного проекта... В шаге от мечты...

Штольцберг ободряюще коснулся моей руки. Чудом её не отдернула.

– Моя дорогая, всё позади. Вы скоро поправитесь и снова вернётесь в Пантеон.

– А как же моя сфера? Там ведь был пожар... Где теперь мне творить?

Штольцберг улыбнулся.

– Карина, не беспокойтесь о таких пустяках. Ваш рабочий кабинет отремонтирован. Правда, компьютер сгорел... Его заменили на новый, но старые файлы стоит попробовать восстановить.

– У меня на флэшке есть копии! – тут же выпалила я, вытирая ладонью слёзы. После истории с кражей прототипа и уничтожением всех документов в моём компьютере в угоду параною мне приходилось по нескольку раз в течение рабочего дня дублировать свои намётки.

– Вот и замечательно. Тогда никаких проблем не возникнет. Хорошо, что господин Феррен вовремя оказался на месте.

Мои глаза широко распахнулись.

– Что?!

Сердцебиение усилилось, в ушах зашумело. Штольцберг перевёл взгляд на монитор, и уголок его губ дернулся.

– Так вы не в курсе? – удивился он. – Шон был неподалёку от вашей сферы, и когда из неё повалил дым, он первым кинулся вам на помощь.

– Нет, я об этом не знала, – ответила глухо, пряча глаза.

– Что ж... поправляйтесь, моя дорогая. Эдем нуждается в вас.

Штольцберг с сопровождающими ушёл, а я постаралась привести мысли в порядок.

Выходит, Шон действительно вытащил меня из сферы. Потому что волновался? Или... Шок длился не больше секунды, а потом на его место пришла ярость.

Ложь! Всё ложь...

Шону и дела до меня не было. В отличие от своей репутации! Подмоченной, после моего ареста. Её надо было срочно реабилитировать! Иначе постоянные покупатели его прототипов разбежались бы... Так почему бы и не погеройствовать на глазах у коллег? Печальный возлюбленный, осознавший свою неправоту, кинулся на помощь покинутой даме сердца... Как всё это цинично!

Внезапно заметила на прикроватной тумбочке букет белоснежных пионов. Обычных, не модифицированных, хотя и очень красивых. Записки к цветам не прилагалось. Но она мне и не была нужна. Белые пионы – визитная карточка Шона. Ещё одна деталь к образу раскаявшегося мужчины. Ярость переросла в ненависть, и когда ко мне в палату зашла медсестра, чтобы поменять капельницу, я попросила её избавиться от букета. Очень хотелось, чтобы она унесла ещё и белые эфириусные лилии Штольцберга, сладковатый

аромат которых вызывал тошноту, но делать это было никак нельзя. Он мог вернуться и заметить недостачу.

Однако я надеялась, что этого не случится и победа в ещё одном маленьком сражении останется за мной. Хоть бы в расследовании была поставлена жирная точка! Тогда бы серьёзных оснований для насильственного извлечения моих воспоминаний ни у кого не возникло бы.

В палату, кроме медперсонала, больше никто не приходил. Только в день выписки к центральному входу в больницу прилетели друзья. Они были взволнованы и тараторили наперебой.

– Кара, Кара, что, чёрт возьми, с тобой на этот раз приключилось?! – возмущённо выпалил Макс. – Мы с Тимом решили зайти к тебе в гости, а там... Картина маслом. Сфера обуглилась, почернела, её опечатали... Клянусь, весь Пантеон сбежался на неё посмотреть! А тебя нигде не было!

– Да, мы расспрашивали всех про тебя, – согласно кивнул Тим, – но никто ничего конкретного не мог сказать. Потом Йелло через своего друга охранника выяснил, что ты в больнице...

– ... нам дали адрес, и мы все вместе полетели сюда, – закончила за него Мари. – Но твой лечащий врач запретил заходить в палату.

– Ага, – всхлипнула Майя. – Мы так за тебя испугались, Кара! Пожар... Это так страшно. Как всё произошло?

Взгляды друзей тотчас устремились ко мне. Опять придётся недоговаривать...

– Я и сама толком не поняла, – сказала смущённо. – Наверное, напортила что-то со своим экскаватором...

– Молодец! – без тени сочувствия произнёс Макс. – Ни на минуту нельзя оставить тебя без присмотра.

– Наша мать всегда говорила, все проблемы от большого ума, – задумчиво изрёк Тим и многозначительно постучал себя по виску указательным пальцем.

– Проводилось расследование, – перебил его Даниэль. – С нами беседовали о том, чем ты занималась в последнее время, куда летала, о чём говорила...

От этой информации кровь отлила от лица, а сердце сжалось в комок. Значит, Штольцберг решил убедиться, не солгала ли ему я.

– Верно. Я сказал, что вы были полностью поглощены текущим проектом, – уточнил Йелло, – и старались как можно лучше воссоздать экскаватор.

– Да, остальные ответили примерно то же самое, – кивнула Мари. – Мы ведь почти ничего не знали...

– Извини, если что, – снова всхлипнула Майя, а я наконец смогла вздохнуть с облегчением.

Друзья... Сами того не ведая, они снова меня спасли.

Я улыбнулась.

– Всё нормально. Я вам всем очень признательна. Мне жаль, что заставила вас опять волноваться.

Даниэль подошёл ко мне ближе и с затаённой тревогой заглянул в глаза.

– Главное, что сейчас всё хорошо, так ведь?

Чувство вины сдавило горло, и я сглотнула.

– Да... Сейчас полный порядок...

Глава 6 Розы, лист и перо

Шон быстрым резким движением отставил в сторону опустевшую кружку кофе. Уже пятую за последние два часа. Голова соображала отлично, хотя тело молило об отдыхе. Стояла глухая ночь, но расслабляться было нельзя.

Он внимательно посмотрел на висевшие в воздухе золотые фантазийные часы. Небрежно взмахнул рукой – и образ исчез. А взгляд Шона метнулся к компьютеру. К старым намёткам Карины по перчаткам эмпатии. Он поморщился – одни эмоции, технических характеристик – ноль! – но всё же принялся перечитывать. Однако мыслями то и дело уносился к недавней партии в покер и обугленной сфере.

Эта упрямая идиотка в прошлый раз сорвала все его планы! И теперь своей непродуманной импульсивной выходкой чуть не уничтожила новые!

Шон был в ярости. Попадись ему Карина сейчас под руку, наверняка бы он её придушил! Но Шон не мог позволить себе эмоции. Партия была слишком сложной. Он не хотел заиграться и снова всё потерять.

Шон устало потёр переносицу и вернулся к проекту. Секретному. Новому. Ценному. Будь на то его воля – он никогда бы не стал кому-то о нём сообщать. Но обстоятельства складывались таким образом, что либо это, либо его патенты, либо и то и другое.

Шон отвернулся от компьютера и продолжил творить.

На следующий день после выписки из больницы я с Даниэлем отправилась в Пантеон. Пока мы летели, в голове мелькали мысли о стоимости медицинских услуг Эдема. Лечение подобного рода в лучшей клинике Либрума должно было влететь мне в копеечку, но с моего банковского счёта почти ничего не списали, сказав, что страховка покрыла все расходы. Выходит, комиссия расценила произошедшее как несчастный случай на производстве без признаков вины работника. Это обнадеживало.

Хотя... Может, Штольцберг хотел таким образом усыпить мою бдительность?

На парковке, имевшей вид слоёного торта, примыкавшего слева к храму творцов, мы встретились с Мари, Максом и Тимом. Парни рассказывали какой-то бородастый анекдот, и я не заметила, как оказалась в холле первого этажа центральной трубы Небес. Коллеги опять расступились, с любопытством косясь на нашу компанию.

Внезапно откуда-то сверху посыпались розовые лепестки, и всеобщие взгляды устремились в ином направлении.

Шон... Его я увидела первым. Он стоял в районе пятого этажа галереи в дорогом чёрном костюме, опершись руками о сиявшие металлические перила, и пристально смотрел на меня.

«Возвращайся, Карина. Ты проиграла, – говорили его глаза. – А я ведь предупреждал, что этим всё кончится. Без меня ты долго не протянешь в Эдеме».

Я стиснула кулаки, вскинула подбородок повыше.

«Ошибаешься, Шон».

От одной мысли, что я была обязана ему жизнью, меня ломало. Но ещё больше ломало из-за того, что я по-прежнему его любила. Хотя и под страхом смертной казни не смогла бы кому-то в этом признаться. Ненавидеть было проще, приятней.

Внезапно я уловила периферическим зрением какое-то странное движение справа.

Резко отвернулась от Шона, разрывая контакт наших глаз, – и увидела златовласую Ирону, его бывшую, плывшую по воздуху, словно мираж.

В роскошном эфириусном шёлковом платье, сиренево-розово-белом, со струящимися широкими рукавами и невероятно длинным шейфом (метров в нём было не меньше ста), подхваченным фантазийным ветром, она выглядела изумительно. Невольно залюбовалась.

Ирена, которая в прошлой жизни не была наделена эффектной внешностью, после попадания в Эдем с лихвой это компенсировала во время материализации своего нового тела. Она по праву считалась прекраснейшей писательницей Пантеона. Жаль только, за роскошным фасадом скрывалось гнилое нутро.

– Что я люблю в нашей работе, – с нескрываемым восхищением выпалил Макс, – так это красивых девчонок...

Ирена пыталась меня убить. Из ревности. Во время презентации шатра воспоминаний. И, если бы не помощь Шона, ей бы всё удалось.

– Я слышала, что она недавно обручилась с наследником огромной часовой империи, – прошептала Мари со скепсисом в голосе. – Видел, бы он её сейчас... Без пяти минут госпожа де ла Верр, а сама из кожи вон лезет, чтобы привлечь внимание нашего главного небожителя.

Лепестки падали, а госпожа Масс грациозной неспешной походкой приближалась к Шону. Он не любил эфириус. Об этом в Либруме знали все. Но вот почему, мне стало понятно лишь после рудников. Ирена же, вероятно, считала его отказ от ценнейшего вещества не более, чем прихотью. В противном случае, вряд ли бы она стала в таком виде прохаживаться перед ним. И всё-таки... Как красиво...

Как заворожённая, я глядела на то, как госпожа Масс, оказавшись в метре от бывшего, что-то ему сказала. Он, видимо, бросил ей в ответ одну из своих язвительных шуточек, она нахмурилась. Шон покачал головой и галантно предложил писательнице руку, а Ирена, смягчившись, охотно её приняла.

– Идём, – сухо сказал Даниэль, уловив тот раздрай, что царил у меня в душе. – Работа не ждёт.

Я кивнула, и мы направились к лифту. Даниэль полетел на поклон к Берду, а мы с ребятами на планёрку.

– Как обстоят дела с твоим проектом, Карина? – безжалостно поинтересовалась Кристина, едва я плюхнулась в белоснежное кресло. – Я слышала, что ты до пожара летала в Центральную библиотеку за вдохновением?..

– Куда? – недоверчиво выпалил Макс.

– В библиотеку? – с сомнением протянул Тим. – На кой тебя туда потянуло? Есть же интернет и всё такое...

– Люблю работать по старинке. С бумажными книгами. К тому же там очень красиво, – пояснила я и перевела взгляд на куратора. Неужели она следила за мной по приказу Штольцберга? – Кристина, кто вам об этом сказал?

Она прищурилась, откинулась на спинку кресла.

– Даниэль. – Я с облегчением выдохнула. – Ну так что, есть подвижки в проекте?

– Тружусь помаленьку... Разбираюсь в устройстве экскаваторов...

– Хорошо. Сообщи, если что-то понадобится. Макс, Тим, а у вас как дела?

После планёрки я отправилась в свою сфера. Она была такой белой и блестящей, как снаружи, так и изнутри, что даже не верилось, что всего неделю назад здесь был пожар.

Я достала из сумочки флэшку, загрузила программу «Творец» – и в воздухе

материализовалась голограмма моего «сырого» прототипа. Внезапно меня охватила паника. Я ведь забросила свой экскаватор, пока искала способ удрать из Эдема. Думала, не понадобится. А теперь... Снова столкнулась с острой необходимостью его завершить! Вот только мой экскаватор по-прежнему не желал заводиться, а из-за больницы я потеряла неделю драгоценного времени!

Я потрясла головой, отгоняя тревожные мысли, и неожиданно заметила на своём столе изящную ручку-перо, вставленную остриём в подставку в виде небольшого серебряного листка.

Меня словно током прошило: раньше её здесь не было!

Кто-то хозяйничал в моём кабинете!

Несколько секунд я с затаённым испугом рассматривала находку, а потом медленно, готовясь в любой момент отразить скрытый удар, протянула руку вперёд. Осторожно взяла перо, покрутила его в пальцах, ища какие-то опознавательные символы. Затем то же самое сделала и с самой подставкой. Но чего-то вроде надписи «Пантеон» не обнаружила. Слабая надежда на то, что это подарок от администрации храма творцов по случаю моего возвращения тут же развеялась.

Но тогда кто мне его презентовал?

Я задумчиво огладила контуры листа, размышляя, есть ли у странной находки скрытые свойства, как внезапно увидела, что на отполированной блестящей поверхности на долю секунды появилась надпись:

От друга.

От неожиданности вздрогнула, чудом не выпустив из пальцев подставку.

Если бы ребята хотели меня порадовать, то вручили бы сувенир лично...

Кристина не стала бы опускаться до такой театральщины.

Шон? Уж кем-кем, но моим другом он себя не считал.

Неужели это очередная угроза от Штольцберга? Мол, он следит за мной, знает, что я пыталась сделать...

Или издёвка от кого-то из коллег вроде Ланы... Может, это намёк на то, что она снова была в моей сфере?

Я тотчас схватила коммуникатор и позвонила на пост охраны. Представилась, спросила, кто заходил в мой рабочий кабинет. Но кроме пожарных, технарей и комиссии по расследованию несчастных случаев на производстве, никого здесь не было.

Загадка серебряного листа с пером не давала расслабиться и приступить к работе. В Пантеоне никто никому не делал подарки за просто так! Даритель всегда преследовал определённую цель, гнался за выгодой... Но что кому-то могло понадобиться от меня?

Я окинула хмурым взглядом изысканную подставку, раздумывая, как выяснить, от кого она, а затем щёлкнула её коммуникатором и выложила фотографию в поисковик. Сувенир выглядел дорогим, и если бы мне удалось выяснить производителя, то и на заказчика можно было бы попытаться выйти.

К счастью, поисковик выдал пару похожих картинок, и, изучив ссылки, я выписала себе адрес того ювелирного магазина, что находился в Либруме.

Ждать до вечера не было сил, так что во время обеденного перерыва вызвала таксолёт и полетела в торговую часть города.

День выдался на редкость знойным. Солнечный свет бил в глаза, скользил по траве, по узорчатым кронам деревьев. Повсюду мелькали ярко одетые люди с напитками или с мороженым в руках, и их шумные разговоры, перемежавшиеся со взрывами смеха, сбивали с толку.

Запах моря смешивался с цветочными ароматами и дурманил рассудок, создавая иллюзию расслабленности, защищённости.

Поддаваться которой было нельзя.

– Изящная вещица... – задумчиво произнёс ювелир, разглядывая мою находку... – Белое золото, серебро... Но это не наше изделие... И не конкурентов. Иначе, внизу были бы инициалы. Вот, видите. – Он достал с витрины украшенное самоцветами зеркальце, поднёс к нему увеличительное стекло и протянул мне. – «FanTiny». А у вашего подарка чего-то похожего нет. Хотя проба имеется... Возможно, частная работа от независимого лица. Но если это так, то без ордера стражей вам никто не назовёт имени заказчика.

– Понятно, – мрачно ответила я. – А что насчёт скрытых свойств?

Мало ли... Вдруг это какой-то загадочный прототип... или устройство слежения...

Мужчина раскрутил ручку, затем осмотрел с помощью особой рентгеновской линзы подставку...

– Нет, ничего.

– Вы в этом уверены?

– Да, госпожа Грант.

Но я ведь отчётливо видела надпись «От друга». Не могло же мне померещиться?

Хотя, впрочем, могло... Галлюцинации ведь никто не отменял.

– Спасибо за помощь, – тихо сказала я и, попрощавшись, покинула магазин.

Впереди был небольшой сквер, где сидели мамы с детьми, катались на летающих досках подростки. Рядом с одной из скамеек я увидела белый ларёк с мороженым и направилась к нему.

«Кто же мне тебя подарил?» – мысленно пробормотала я, поедая молочное лакомство и разглядывая подставку, которая сияла в лучах южного солнца.

Ответ не находился. И мне это не нравилось. Я задумчиво провела пальцем по блестящему листу, решая, что делать дальше, как внезапно снова увидела прежнюю надпись.

Вздрыгнула. Выходит, не показалось, и ювелир ошибся.

Я нахмурилась, а затем резко выхватила перо и, коснувшись остриём металла, дрожащей рукой вывела два слова:

Кто ты?

Несколько секунд ничего не происходило. Я даже выдохнула с досадой, засомневавшись в своих умственных способностях, устало потёрла переносицу. Однако в следующий миг неожиданно появилось новое послание:

Секрет.

А затем и ещё одно:

Ты любишь секреты, Кара?

Меня во второй раз словно током ударило. Интуиция тут же завопила об опасности. И я понятия не имела, что делать с таким подарком! Продолжать переписку, не зная, к кому обращаюсь, было рискованно.

Хотя и любопытно.

Но не настолько, чтобы оставлять эту якобы безделушку у себя в кабинете или везти домой. Мало ли, какими ещё скрытыми свойствами она обладала.

«Нет», – вывела я ответ и за неимением лучших идей выбросила ручку с подставкой в урну. А затем вызвала таксолёт и полетела обратно в Пантеон.

Ощущение тревоги уменьшилось, но полностью не исчезло. Однако я старалась не думать о злосчастном презенте и его отправителе и сконцентрировалась на текущем проекте.

– Ну, как успехи? – весело спросил Даниэль, заглянув ко мне в конце рабочего дня.

Я сидела за столом напротив голограммы своего прототипа и задумчиво помешивала ложечкой кофе.

– Да так, не особо...

– Нужна моя помощь? – уже серьёзней сказал он.

– Если ты знаешь, как создать то, что создать невозможно, с радостью тебя выслушаю.

Даниэль усмехнулся.

– Что, всё так плохо?

– Ну, материализовать какой-никакой экскаватор я смогу, но как заставить его работать в аномальных зонах – загадка. В «Творце» нет нужной опции для симуляции. У меня появились кое-какие соображения, как обойтись без неё, но это сложно...

– Ты не думала о том, чтобы отправиться в аномальную зону? – неожиданно предложил он. – Вдруг тебе там будет проще творить?

На самом деле думала. И не раз. Но ближайшая к Либруму аномальная зона находилась в горах. Там, где располагались рудники. Та область меня пугала. Но и манила, словно преступника к месту свершённого им преступления.

– У меня нет карлёта, – сказала уклончиво, а улыбка Даниэля стала шире.

– Могу подбросить, милашка.

Глава 7 Место преступления

На следующий день, в начале четвёртого, мы встретились с Даниэлем на парковке. Друг подготовился. Собрал провиант нам в дорогу, изучил регион, чтобы проложить более удобный маршрут.

Мы долетели до посёлков шахтёров, и там его тёмно-зелёный карлёт приземлился и сложил крылья. Остаток пути ехали по неровной, ухабистой дороге. В объезд первого блокпоста «какого-то закрытого правительственного объекта», о котором Даниэль, к счастью, и понятия не имел (а просвещать его никто не собирался). Я надеялась, что аномальная зона выходит за пределы рудников и если двигаться на северо-запад, то нам удастся обнаружить искомое.

Моё предположение оказалось верным. И, когда мотор начал издавать странные звуки, было решено остановиться.

Я вышла из салона. Окинула мимолётным взглядом сочные зелёные холмы, залитые золотистым солнечным светом. Полной грудью вдохнула аромат диких трав и хмуро посмотрела в ту сторону, куда доступ нам с Даниэлем был закрыт.

Ясное голубое небо, покатые горные склоны, стрекотанье кузнечиков, жужжание пчёл – всё это казалось таким мирным, таким прекрасным и безобидным, что даже не верилось, что это место хранило страшную тайну.

Шон говорил, что здесь долго находиться опасно. Потому что под землёй были расположены катакомбы, в которых прятались от властей отбросы общества. Они проворачивали свои делишки в больших городах, а когда припекало, сбегали в горы. Нападали на стражей или на случайно встреченных путников. Грабили их и убивали. А жители близлежащих посёлков покрывали бандитов из страха, из чувства солидарности или родства.

Но я знала, что всё это ложь. И трупы писателей на пустырях оставляли охранники рудников, а не преступники, что выбирались по ночам из несуществующих тоннелей.

– Красиво здесь, – произнёс Даниэль, озираясь по сторонам.

– Да, – не могла не согласиться я.

– Ладно, берись за работу. Я пока осмотрюсь.

– Даниэль!.. – окликнула его я и тут же прикусила губу, не зная, как сформулировать то, что меня тревожило. – Будь осторожнее, ладно? По идее здесь должно быть безопасно, но... про эти места ходят дурные слухи... Не расслабляйся.

Даниэль усмехнулся, покачал головой.

– Ты тоже не зевай.

И с этими словами мы разделились. Я сказала дурным мыслям: «Позже» и прошла немного вперёд по малахитово-лаймовому горному склону, чтобы выбрать место поровнее для материализации экскаватора. Даниэль спустился вниз.

Вернулся он часа через полтора со словами:

– За холмом небольшая речка. Водичка невероятная! Отлично поплавал.

К тому моменту я уже создала свой экскаватор, протестировала основные функции и отогнала к границе с аномальной зоной, где мотор благополучно заглох. После чего всеми известными мне кривыми и суперкривыми способами пыталась заставить его опять заработать. Крутила формулировки и так, и эдак, но толку от этого было ноль.

Так что когда Даниэль меня обнаружил, я сидела в пропитанной запахом топлива кабине своего прототипа с карманной инструкцией по управлению экскаваторами на коленях и мысленно постанывала. Краем глаза косилась на страницы брошюры со скучными пояснениями, в соответствии с которыми вносила дополнения в формулу материализации, а затем нерешительно дёргала джойстики и рычаги в надежде на чудо.

«Карина...» – прозвучал в голове голос мамы.

«...дочка... Давай вместе...» – устало сказал отец.

– Может быть перекусим? – Оклик Даниэля выдернул меня в реальность.

– Перекусим... Давай... – отозвалась, толком не понимая, что говорю. Солнце припекало, а мысли в голове и без того путались.

– Ты слезаешь?

– Э-э... что?

Даниэль рассмеялся.

– Госпожа Грант, может, вы уделите мне хотя бы полчаса вашего драгоценного времени?

Я оторвалась от ненавистой инструкции и снова посмотрела на друга. Он подошёл вплотную к моему экскаватору и, опершись рукой о дверцу кабинки, весело на меня глядел.

– Даниэль, извини, не могу. У меня запара, – сказала ему виновато и продолжила, хмурясь и покусывая губы, нервно крутить формулировки и так, и эдак.

Внезапно ощутила, что сиденье подо мной растворилось, и я, протяжно визжа, грохнулась с высоты полутора метров в траву.

– Что за... – побормотала, потирая ноющее бедро и испуганно озираясь по сторонам. Мой фантазийный экскаватор развеялся!

– А ты думала, почему меня прозвали Разрушителем фантазий?

Я недоверчиво вытаращила на него глаза.

– Хочешь сказать, что...

– Именно, – самодовольно ухмыльнулся он и протянул мне руку. – Вставай. Подробности расскажу позже.

Я удивлённо улыбнулась и вложила свою ладонь в его.

А Даниэль изменился. Или он всегда был таким, просто раньше его внимание было направлено на Клариссу?

– Так ты действительно можешь развеять любую фантазию? – с интересом спросила я, жадно уплетая бургер с ветчиной, майонезом и сыром, когда мы сидели на капоте его карлёта.

– Скорее всего. – Он безразлично пожал плечами и сделал затяжной глоток ароматного кофе. – На топе не проверял. Но с теми, кто близок к нему, пока срабатывало.

– И давно это у тебя?

– Понятия не имею. Только когда вышел на арену узнал.

Мне вспомнились запрещённые бои в гетто... Смертельно опасные и без правил. Там выступали писатели, чтобы испытать себя и покрасоваться перед другими, или ... когда им было жизненно необходимо заработать хоть несколько сотен «кровоавых» эфи.

Я была там всего один раз. Чтобы выплатить штраф «Либрум индастрис» за просрочку. Даниэль же отправился на арену, чтобы разобраться с моим долгом перед Эдемом. До того, как ребята догадались доделать перчатки эмпатии.

– Я поначалу заставлял вместо себя сражаться фантазийных зверей, а потом и сам занял их место. Тогда и понял, что могу не только создавать, но и разрушать.

Я перестала жевать и испуганно посмотрела на друга.

– Ты шутишь?! Ты ведь мог умереть не от кровоизлияния в мозг, если бы решил пойти до конца, а из-за раздробленного черепа, удара сабли или ещё чего пострашнее! Я там в создание одного бойца со страху вообще молнией запустила! Это видела куча народу. Кто-нибудь бы мог попытаться повернуть этот трюк и с тобой!

Даниэль усмехнулся, покачал головой.

– А так и было... – Моя челюсть рухнула куда-то в район мягкой сочной травы и зарылась в землячке. Рука тут же испуганно взметнулась к губам. – Но я её вовремя дематериализовал.

– Ты не чудик, ты псих! – вынесла я свой вердикт, когда речевые навыки ко мне вернулись. – Ты хоть понимаешь, что я не стояла такой жертвы?!

Даниэль очень внимательно на меня посмотрел и как-то странно спросил:

– Ты за меня переживаешь, Кара?

Я стукнула его ладонью по плечу и фыркнула возмущённо:

– Конечно, переживаю! Я бы умерла, узнай, что ты отдал свою жизнь за меня!

– Я тронут.

Мы поболтали недолго, а потом мне пришлось опять браться за работу. Даниэль тоже занялся своим проектом. Но спустя час, когда стало темнеть, было решено вернуться в Либрум.

Мы неслись на карлёте по ухабистой просёлочной дороге, как я заметила, что небо над нашими головами резко почернело.

– Странно... Гроза что ли намечается?..

– Нет, в прогнозе погоды ничего такого не было, – твёрдо сказал Даниэль, но нахмурился.

Тучи сгустились подозрительно быстро, а отбрасываемая ими тень будто преследовала нас. Дурное предчувствие сдавило грудь, и я с затаённой тревогой в голосе попросила:

– Даниэль, прибавь скорость. Не нравится мне всё это.

Друг мрачно покосился на зеркало дальнего вида.

– Мне тоже. – И не просто ускорился, а на развилке резко свернул в другую сторону.

И тут произошло неожиданное: грозовой фронт сменил направление. Подул холодный ветер, в воздухе отчётливо проступил запах озона, и мне показалось, что в отдалении прозвучали раскаты грома.

– Что за?.. – выпалила я, с ужасом наблюдая за жутким природным явлением, которое словно гналось за нами. – Как такое возможно?

– Это Эдем, – сухо сказал Даниэль, выжимая максимум из карлёта. – Здесь может произойти, что угодно. Придётся лететь.

С этими словами он опустил защитный купол. Потянулся к панели управления, меняя режим. И в тот момент, когда машина начала расправлять крылья, огромная тень догнала и накрыла нас.

– Берегись! – прокричала я за долю секунды до того, как мы провалились прямо с сидений в чёрную непроглядную дыру, словно в сопло пылесоса.

Приземление оказалось болезненным.

– Кара! Кара! Ты где? – услышала я где-то в стороне взволнованный голос друга.

– Даниэль! Я здесь! Иди сюда!

– Сейчас... – Он что-то прошептал, и миг спустя окружавшую нас темноту разорвало

тусклое белёсое сияние от материализованного энергетического сгустка в его руке. – Кара, ты цела?

– Да, кажется, да. А ты как?

– Нормально. Где мы?

– Понятия не имею...

Я завертела головой по сторонам. При таком освещении было сложно что-либо разобрать, но мне всё же удалось разглядеть неровную каменную стену. Осторожно провела ладонью по её шершавой холодной поверхности... Известняк что ли?..

– Катакомбы, – пробормотала тихонько. – Думаю, нас засосало в катакомбы...

– Какие ещё катакомбы? – спросил Даниэль, осматриваясь.

– Которые сохранились в горах после Второй мировой войны... Я думала, это сказки, которыми пугают детей, но если нет... Даниэль, нам нужно срочно отсюда выбираться! Здесь может быть очень опасно!

В этот момент вспыхнули желтоватые огоньки свечей, вставленных в лампу под потолком. От неожиданности вздрогнула. Мёртвой хваткой вцепилась в плечо друга. И принялась напряжённо всматриваться в пространство перед собой, откуда доносился тихий размеренный топот множества пар ног...

– Бежим! – выпалила я и, потянув Даниэля за собой, рванула в противоположную от пугающих звуков сторону. – *Защитное силовое поле, словно прозрачный пузырь, окутало наши тела!* – рвано выдохнула на ходу и в тот же миг ощутила, как нас накрыло прозрачным энергетическим коконом.

Надо сказать, весьма своевременно, потому что откуда-то сзади донеслось взбешённое:

– Эй, они убегают! Ловите их! Живо!

– Быстрее! – бросил Даниэль, ускоряясь и теперь уже волоча за собой меня. – Направо! – Узкий тоннель разветвился, и мы, повернув, продолжили, как оголтелые, нестись куда-то вперёд.

– Тупик! – рвано выдохнула я, резко затормозив в полуметре от стены. – Зараза! – С досадой пнула её ногой. – Что будем делать?

– Выставим перед собой защиту. Посмотрим, что нашим преследователям нужно. Если что, придётся сражаться. Кто бы там ни был, но зайти со спины или с боков они не смогут.

Я кивнула и, пока Даниэль создавал ещё одно силовое поле, решила добавить кое-что от себя:

– *Мои руки крепко держали коричневые кожаные поводки, которые тянулись к шеям трёх огромных – размером с пантер – чёрных доберманов. Злобно рыча, истекая слюной и нервно подёргивая лапами, они стояли у моих ног, дожидаясь команды: «Фас»...* – прошептала слова материализации, и очертания фантазийных собак начали проступать в воздухе.

Пространство тоннеля огласил громкий звериный лай.

– Неплохо, – ухмыльнулся Даниэль, окинув моих созданий внимательным взглядом.

Я повернула к нему голову и с удивлением обнаружила чёрный лазерный меч, рукоять которого крепко сжимали пальцы друга.

– Джедайский меч? Серьёзно?

Даниэль невозмутимо пожал плечами.

– Почему бы и нет.

Дальше перебрасываться репликами было не вариант, поскольку в этот момент к нам

подбежали люди в поношенной одежде защитного цвета. Кое-кто из них держал наготове автоматы. Мой взгляд метался по их хмурым, серьёзным, морщинистым, измождённым лицам до тех пор, пока не выхватил из толпы светловолосого мужчину, на руке которого двигалась татуировка – рвущиеся цепи, и я с ужасом узнала в нём Бокаса.

Того самого человека – нет, не так, персонажа компьютерной программы, который меня пытал внутри таинственного прототипа, что выкрала Элли у Штольцберга.

В прошлый раз мне удалось от него чудом сбежать. Но... то было в кубе, а здесь... Как мой мучитель оказался в реальном мире?

– Что вам нужно?! – прокричал Даниэль.

– Просто хотим поговорить, – спокойно ответил Бокас.

Слева от него стоял его приятель Морт. Рыжеволосый, с маленькими тёмными глазами, как у хорька, и с двумя уродливыми шрамами – на подбородке и левой скуле. Мне показалось, что я проваливаюсь в небытие...

– Даниэль, не верь им! Это бандиты! Они ненавидят писателей! Они убивают таких, как мы!

В толпе послышались удивлённые шепотки. Бокас и Морт, которые, судя по всему, были главными в этой банде, загадочно переглянулись.

– Верно. Мы недолго любим писателей. Однако на это у нас есть веские причины, – негромко сказал Бокас. – Если вы не относитесь к числу архонтовских ищеек, вам нечего волноваться.

– Это неправда! – прокричала я, начиная паниковать. Что, если Шон не соврал насчёт пустырей? – У вас есть подвалы, в которых вы пытаете писателей, чтобы выведать у них информацию! А трупы выбрасываете в этих горах, на пустырях!

Снова послышались шепотки. Чёрный меч в руках Даниэля засиял ярче. Мои доберманы зарычали, готовые вот-вот сорваться с поводков.

– Я и не ожидал, что вы мне поверите сразу. Но, повторяюсь, вашим жизням ничто не угрожает. Мы просто хотим расспросить вас про рудники.

От этой фразы сердце в груди болезненно ёкнуло, а интуиция врубил красный уровень опасности.

– Какие рудники? – непонимающе переспросил друг и растерянно посмотрел на меня.

Я мотнула головой.

– Не важно. Нам с ними нечего обсуждать.

– Я же говорил, что они на стороне Штольцберга! – выпалил недовольно Морт. – Элита... – Он брезгливо скривился и сплюнул на землю. – Мать родную ради эфириуса продадут...

– Да как вы смеете! – не сдержалась я. – Это вы чудовища! Вы! А не мы!

– Подожди, Морт, – отмахнулся Бокас от слов приятеля. – Эти должны быть ещё неиспорченными... Они просто не понимают, что происходит... Послушайте, Кара, – обратился он снова ко мне. – Я не представляю, что Штольцберг вам рассказал про нас, но... мы не чудовища, которые из ненависти или зависти уничтожают писателей. Эфириус разрушает наш мир: лишает людей работы, превращает в рабов, истощает полезные ископаемые... Мы просто хотим его спасти и просим вас о небольшой помощи.

– Хотите, чтобы мы в это поверили? – фыркнула я, но уже менее яростно. – С чего вдруг?

Бокас прищурился. Задумчиво оглядел нас с Даниэлем. Потом смежил веки на миг и

тихо сказал в пустоту:

– Вы уверены?.. Понял.

Он не был здесь главным! Команды! Он получал их от кого-то другого!

– Карина, Даниэль, мои слова не имеют для вас силы, – произнёс собеседник, снова глядя на нас. – Но, возможно, вы прислушаетесь к доводам одного из ваших коллег.

– Серьёзно? – удивился Даниэль. – Хотите сказать, что писатели вас поддерживают?

Бокас криво ухмыльнулся.

– Не просто поддерживают, а возглавляют.

В этот момент толпа расступилась, и из образовавшегося прохода неспешно выплыла...
госпожа Мариам!

Глава 8 Выбор

– Дориан? – выдохнула я чуть слышно. – Так вы с ними?

– Не ожидала, Кара? – усмехнулась она.

– Вообще-то да....

Дело в том, что госпожа Мариам в топ-100 лучших писателей Либрума занимала почётное третье место. Выше неё были только Торнтон и Шон. Дориан купалась в славе и деньгах, пользовалась авторитетом у работников Пантеона и хорошо зарекомендовала себя перед властью имущими Либрума, которые регулярно заключали с ней выгодные сделки.

– Но... зачем?

– Видишь ли, Кара, как писатель я уже реализовалась. Теперь хочу реализоваться и как человек, – невозмутимо ответила она. – Глупо растрачивать свой второй шанс на пустое, согласна?

Не согласиться я не могла. Но всё же...

– Откуда мне знать, что это не хитрый трюк? Не уловка властей Эдема, призванная развязать мне язык? – хмуро спросила я.

Госпожа Мариам задумалась, потом безмятежно улыбнулась и пожала плечами:

– Ниоткуда. Но это правда. Мы наблюдали за вами, Кара, после возвращения в Пантеон, хотели договориться о встрече, но вы избавились от моего подарка.

– Серебряный лист и ручка-перо?.. Так они были от вас?

– Да, моя дорогая. Полезная вещица для тайных посланий... Теперь таких осталось лишь две. Жаль... С ней было бы проще уладить вопрос. Не пришлось бы пугать вас и похищать. Но раз уж вы всё равно здесь, давайте вот как поступим: я расскажу вам, кто мы и чего добиваемся, а вы сами решайте, стоит нам доверять или нет.

– Хорошо.

Госпожа Мариам опять улыбнулась и нараспев сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5p1>